

Пожирающая Серость

Автор:

[Кристина Эрман](#)

Пожирающая Серость

Кристина Линн Эрман

Young Adult. Четверка Дорог #1

После трагической смерти сестры Вайолет переезжает в небольшой провинциальный городок, затерявшийся среди лесов. Однако это место полно таинственных загадок. И знакомство с жителями только усиливает подозрения Вайолет: здесь каждый что-то скрывает.

В городе то и дело пропадают люди, а девушку начинают мучить необъяснимые видения и пугающие сны. Что за сила, которая держит в постоянном страхе всех обитателей? Семья Вайолет – одна из четырех семей-основательниц этого странного места, а значит, ответы на все вопросы стоит искать в прошлом...

«Захватывающий дебют... Сложные персонажи и головокружительные повороты сюжета заставят читателей мечтать о продолжении».

Kirkus Reviews

Кристина Линн Эрман

Пожирающая Серость

Моим сестрам и брату:

Джоанне, которая помогла Вайолет обрести голос.

Луису, который заставил меня вырезать все нелюбимые сцены.

И Андреа, которая прочла все книги, написанные до этой.

Спасибо, что научили меня рассказывать сказки.

Christine Lynn Herman The Devouring Gray

© 2019 by Christine Lynn Hermann

Cover design by Natasha Mackenzie

This edition is published by agreement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Харченко А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

пятерка костей

После того как был обнаружен третий труп за год, Джастин Готорн[1 - Hawthorn – боярышник (англ.).] опустился на колени в саду и приготовился услышать свое будущее.

Его сестра Мэй перетасовала колоду Предзнаменований и разложила на траве между ними пять карт лицом вниз. Всевидящие очи на рубашке равнодушно взирали на листву над ними. Кожа Джастина покрылась мурашками, пока он изучал их радужки – белые, как у мертвецов.

Он не видел последнего трупа, но останки тел, которые выплюнула Серость, всегда выглядели одинаково. Глаза подернуты молочной белизной. Грудная клетка вывернута, кости пронзают раздутую плоть, словно рога, растущие из спины.

– Мне не нужно спрашивать карты. – Голос Мэй не располагал к мягкости, но она старалась придать ему теплоты. Джастин не просил погадать ему с тех самых пор, как провалил ритуал. Она понимала, чего ему стоило просить об этом сейчас.

Ведь это он должен был повелевать колодой Предзнаменований. Он должен был унаследовать фамильный дар и защищать город. И все-таки юноша был безнадежен. Гнилая ветвь на здоровом дереве.

В этом году Серость осмелела и заманивала в свой мир жертву за жертвой, где их дожидался голодный Зверь. Джастин наивно полагал, что, обретя силу, он сможет положить этому конец. Но силы не было. И погиб еще один человек.

Джастин не будет просто сидеть сложа руки, пока остальные умирают. С силами или без, но он по-прежнему был Готорном. Он найдет способ защитить Четверку Дорог. Его судьба крылась в картах.

– Покажи мне, – попросил он, сжимая руки сестры.

Мэй закрыла глаза. Уже через секунду юноша ощутил знакомое присутствие в своем разуме – сквозь его мысли пробивались резкие, четкие ростки намерения.

Он знал, что сестра больше чувствовала, чем видела, позволяя его прошлому и настоящему передавать информацию о будущем.

Через пару секунд она отстранилась, тихо выдохнула и медленно открыла глаза.

– Они готовы, – хрипло произнесла девушка, переворачивая карты лицом вверх. Джастин едва успел окинуть взглядом некоторые из них, как Мэй зашипела от негодования.

– Что...

Мэй наклонилась, и солнечный луч на ее стеклянном медальоне окрасил его в огненно-багряный: на бледной коже словно открылась глубокая рана.

За все эти годы Мэй предсказывала будущее брата десятки раз – как для забавы, так и для практики. Но Джастин ни разу не видел ее настолько потрясенной.

Она пробежала глазами по картам. По центру, естественно, была Восьмерка Ветвей. Карта Джастина, нарисованная в знакомом стиле, изображала мальчика на пеньке с охапкой ветвей в руках. Раньше он не замечал, что вокруг ног мальчика обвивались корни, не давая ему сдвинуться с места.

Теперь Джастин понял, почему так расстроилась Мэй. Ее карта, Семерка Ветвей, всегда находилась слева от него. Но сейчас ее не было. Ее место заняла карта, которую он никогда прежде не видел. Рисунок был отчетливым и ярким: человеческий силуэт, стоящий посреди деревьев в Серости. Его правая рука превратилась в кровавое месиво. Левая же была освежена до костей.

В голове Джастина заиграла «Колыбельная основателей». Ветви и камни, кинжалы и...

– Кости, – сухо произнесла Мэй, впиваясь ухоженным ноготком в деревянную карту. Ее рука дрожала. – Ее не должно... Наверное, я... – Она замолчала. Даже в панике Мэй ни за что бы не признала, что ей недостает мастерства в гадании на колоде Предзнаменований.

– Мы оба знаем, что ты не совершаешь ошибок. – Джастин не мог оторвать взгляда от карты. – Просто расскажи, что она значит.

– Ладно. – Мэй убрала руку. – Ты найдешь способ помочь городу. Но сам процесс запутанный. Здесь у тебя Узловатые Корни – чередой невыгодных решений. А поскольку они в паре со Щитом, похоже, ты, как обычно, будешь выступать в качестве посредника. Вероятнее всего, это вина Тройки Кинжалов, ведь Айзек всегда умудряется все испортить.

– Ты не можешь просто делать вид, что ее здесь нет. – Карта между ними словно светилась, даже в тени. Кость и плоть переплетены, линия, соединяющая живых и мертвых. – Мэй, расскажи мне.

Девушка собрала карты одним отрепетированным движением запястья. Затем перетасовала их с остальной колодой и посмотрела за плечо Джастину.

– Это семья Сондерс. – Ее светло-голубые глаза по-прежнему смотрели на деревья. Мэй поднялась на ноги. – Они возвращаются, и я сейчас же расскажу об этом маме, а ты – никому. Даже Айзеку.

– погоди! – Джастин спешно встал и пошел за ней, но Мэй умела быть быстрой, когда хотела. Ее пальцы уже сомкнулись на ручке задней двери. – Как все это связано с защитой Четверки Дорог?

Розовый ободок Мэй сбил на сторону. А для его сестры уже такая мелочь была недопустимой неряшливостью, но она этого даже не заметила.

– Я и сама не до конца понимаю, – ответила девушка. – Но когда придут Сондерсы, у тебя появится шанс изменить что-то в Четверке Дорог.

И Джастин позволил двери закрыться.

Он еще долго сидел в саду, глядя на боярышник. Сучковатые ветви, словно цепкие пальцы, вились по двускатной крыше их фамильного дома. Впервые за всю его жизнь в Четверке Дорог соберутся члены каждой из семьи основателей. И он не останется в стороне. Он получит возможность изменить порядок вещей и помочь.

Джастин в это верил. Должен был. Так сказала колода Предзнаменований, и в отличие от Готорнов, мастеров карт, они не умели врать.

* * *

Две недели спустя

Чтобы Вайолет Сондерс окончательно расклеилась, потребовалась всего одна прядка бирюзовых волос. Девушка копалась в своей папке с нотами, когда та случайно попала ей на глаза, торчащая между сиденьем и подстаканником, подобно саженцу.

Руки Вайолет замерли на папке, на темно-синем пластике появились пятна пота. Она не могла сосредоточиться ни на шоссе за окном «Порше», ни на аппликатуре для «Вариаций на тему Абега, опус 1» Шумана. Ее интерес к произведению иссяк.

Один за другим пальцы Вайолет отлипли от края папки. Левая рука подобралась к прядке, словно бледный жилистый тарантул, но мать внезапно выключила беспроводную гарнитуру.

– Ты в порядке? – спросила она у Вайолет. – Что-то ты неважно выглядишь.

Вайолет резко отдернула руку. Затем приглушила Шумана в наушниках и попыталась скрыть удивление – мать заговорила с ней впервые за целый час.

– Просто немного укачало.

Джунипер Сондерс задумчиво наклонила голову. Гарнитура у уха мигнула, отбросив голубой блик на колотые шрамы на хрящике. Последнее напоминание о той версии Джунипер, которая давно исчезла.

– Дай знать, если тебе нужно будет выйти, – сказала она. – Я съеду на обочину.

От этой непривычной заботы у Вайолет сжался желудок. Мать ни слова не сказала, когда Вайолет забросила музыку. Она даже не заметила, что ее дочь

перекрасила стены спальни в темно-красный цвет утром в день открытых дверей. Или, как после похорон, обрезала волосы по плечи в небрежном боб-каре. И все-таки Джунипер заметила ее подавленность во время конференц-звонка.

В этом не было никакой логики, но поступки матери всегда приводили Вайолет в замешательство.

– Да нет, все не настолько плохо. – Девушка провела ногтем по краю папки. – То есть меня не сильно укачивает. Мне определенно не понадобится выходить.

Гарнитура Джунипер вновь мигнула.

– Тогда ты не будешь против, если я вернусь к переговорам? В лондонском офисе настоящая катастрофа, и им нужно, чтобы я успокоила разработчиков, пока ситуация полностью не вышла из-под контроля.

– Конечно, – кивнула Вайолет. – Я не могу нести ответственность за такой ущерб.

– Советую тебе обуздать свой нрав до прибытия в Четверку Дорог.

Вайолет увеличила громкость, и в наушниках вновь заиграл Шуман. Девушка знала каждую ноту, каждую паузу, каждую аппликатуру – в конце концов, это она играла на записи.

– Что ж, тогда мне придется исчерпать все запасы по дороге.

Джунипер закатила глаза и продолжила разговор – что-то о сбое в программном обеспечении, которое разрабатывала ее компания. Вайолет перестала слушать и сползла на сиденье.

Четверка Дорог. Город, в котором выросла ее мать, хотя никогда о нем не упоминала. Джунипер ничего не рассказывала: почему она так настаивала, чтобы Вайолет и ее сестра получили фамилию матери, а не отца; почему она покинула город после окончания школы и ни разу туда не возвращалась. Даже когда умерли ее родители. Даже когда ее сестра – тетя, которую Вайолет никогда не видела, – тяжело заболела.

Мысль о сестрах заставила Вайолет сползти еще ниже. Они бы ни за что не поехали сейчас в Четверку Дорог, если бы в их семье не творилась собственная настоящая катастрофа.

Сбоку от «Порше» с ревом пронесся огромный грузовик. Сердце Вайолет подскочило к горлу, когда его крупный резервуар перекрыл вид на поле. За пять месяцев после аварии Роузи она была на дороге несчетное количество раз, но подобные грузовики по-прежнему пробуждали кипящую смесь тошноты и ярости в ее желудке.

Вайолет заставила себя отвести взгляд от оскорбительного автомобиля, но, разумеется, тут же наткнулась на прядку волос, которая будто бы насмеялась над ней. Девушка поставила запись на паузу, положила папку с нотами на колени и достала бирюзовую прядку из ее укрытия.

Та оказалась тяжелее, чем ожидалось. Подняв прядь, Вайолет поняла, что она спуталась с застежкой тонкого серебряного браслета, застрявшего между подстаканником и краем сиденья машины. Пальцы Вайолет прошли по филигранной розе на браслете, пока Джунипер продолжала выкрикивать приказы в гарнитуру.

Любопытная особенность скорби – как только Вайолет пережила первые пару недель, за которые вновь научилась спать, есть и дышать, существовать стало даже труднее. Она прошла через подготовку и организацию похорон, общалась с чрезмерно заботливыми соседями и ходила на терапию. Но ни одна пустая фраза, ни один доброжелательный совет не учил тому, как вести себя, когда находишь в машине украшение своей мертвой сестры, спустя месяцы после того, как все ее имущество было надежно замуровано в коробки.

Роузи даже не любила этот браслет. Более того, Вайолет четко помнила, как сестра скривила губы, когда открыла подарок на свой шестнадцатый день рождения. Браслет подарила двоюродная бабушка по папиной линии, которая не видела Роузи и Вайолет с их младенчества и имела лишь поверхностное представление о подростках и том, как они функционируют.

«Роза? Seriously? – сказала позже Роузи, когда они спрятались в ее спальне, чтобы изучить гору одежды и странные творческие проекты, подаренные ее друзьями. – До чего банально. Нет, я, конечно, надена ее из вежливости, но я не

из тех девушек, которые носят цепочки со своими именами. Как ошейник».

Вайолет согласилась с ней, как всегда, и высмеяла подарок. Но она помнила, как думала тогда. Хоть браслет и не был в стиле Роузи, по крайней мере, их двоюродная бабушка пыталась с ними связаться. После смерти их отца Джунипер не поддерживала контакта с родственниками с его стороны, и Вайолет радовалась любому намеку на их существование.

Теперь она смотрела на филигранную розу, слегка потускневшую от времени, проведенного в чистилище подстаканника.

«Да к черту!» – Вайолет открыла застежку и спрятала прядку в папку. Затем надела браслет на запястье и повернула розу так, чтобы та находилась прямо над фиолетовыми венами, тянувшимися к ладони.

Такой сентиментальный поступок. Роузи бы это взбесило. Но когда они свернули с шоссе, Вайолет уже чувствовала себя не такой одинокой.

* * *

«Порше» проехал по очереди безлюдных объездных дорог, ландшафт сменился с оживленного шоссе на ухоженные сельскохозяйственные угодья. Фермы быстро уступили место лесу, и вскоре машину окружили деревья, теснящиеся у края дороги, полуденное солнце подсвечивало сзади их ветви. Вайолет смотрела в окно на окутанный глубокими зеленоватыми тенями пейзаж, в наушниках играли вперемешку Шуман, Бах, Шопен.

Что-то в деревьях привлекло ее внимание. Стволы казались такими четкими, а листья насыщенными, как будто ветви покачивались прямо перед «Порше», хотя деревья были в отдалении.

Наконец они свернули на извилистую, плохо проложенную дорогу. На низкой ветке на ржавой цепи висела табличка, приветствующая их выжженными черными буквами в Четверке Дорог, Нью-Йорк.

– Не могу поверить, что она до сих пор тут висит, – усмехнулась Джунипер. – Я думала, что ее заменят на что-то более представительное.

Вайолет сняла наушники.

– Она здесь еще со времен твоей учебы?

– Она здесь столько, сколько я себя помню.

Это первый кусочек информации о Четверке Дорог, которым Джунипер поделилась добровольно. Горло Вайолет сжалось от тысячи незадаанных вопросов, а «Порше» катился мимо старых домов. У каждой двери висели рыжевато-бурые колокольчики – иногда пара, иногда больше. Ветер раскачивал их взад-вперед, но Вайолет не услышала звона, даже когда опустила окно.

Девушка попыталась рассмотреть их внимательнее, но машина добралась до центра города, по крайней мере так можно было подумать: ветхие дома сменились ветхими зданиями.

Здесь не существовало такого понятия, как «сетевой магазин», только небольшое скопление лавочек, словно сошедших со старых снимков. По отклеивающимся золотым буквам на витрине Вайолет опознала бакалейный магазин. Еще магазин подержанной одежды, кабак, гастроном и публичную библиотеку с крутой двускатной крышей. Перед закусочной в стиле пятидесятых околачивались люди, бросающие окурки прямо на асфальт. Когда «Порше» проехал мимо, все взгляды обратились к ним. Несмотря на то что они покинули Уэстчестер всего пять часов назад, Вайолет казалось, что она перенеслась на другую планету.

Джунипер показала ей ратушу, которая поражала своим величием, внушительностью и неуместностью на фоне дряхлых соседей. За ней широкой полосой начинался лес; по обеим сторонам крыши ползли заблудшие ветви, тянущиеся друг к другу. В Оссининге, родном городке Вайолет, каждое дерево казалось чужаком, упрямо растущим из сыпучего гравия или из небольших огражденных квадратиков почвы на асфальтированной улице. Здесь же чужаками казались здания, заблудшие на территорию леса.

Единственным местом, где деревья не росли, было небольшое поле за ратушей. Чуть дальше от главной дороги, между лугом и лесом, примостилось одинокое здание. На двери был вырезан символ, который не был знаком Вайолет: круг с

проходящими через него четырьмя линиями, не соприкасающимися в центре; как искаженный крест.

– Это церковь? – поинтересовалась она у матери, изучая расписной рельефный мрамор, сужающейся дугой поднимающийся по передней части здания к острию на вершине.

Джунипер покачала головой:

– В Четверке Дорог нет церквей. Это мавзолей. Тут всех кремируют и погребают. Мемориал для всех жителей.

– Жутковато, – пробормотала Вайолет.

Джунипер пожала плечами:

– Зато экономично.

Но Вайолет было не по себе от мысли о городе без церкви и кладбища.

За полем шла еще одна небольшая улочка с торговыми рядами, а после центральная улица снова уступила домам.

– Погоди. – Вайолет оглянулась. Ратуша исчезла из виду за извилистой веткой. – Это что, всё?

– Всё.

Теперь они оказались в чаще леса, машина мчалась по зеленому тоннелю. Вайолет попыталась сделать фотографию на телефон, но ветви получались размытыми.

«Порше» прорвался за линию деревьев. Вайолет прищурилась от внезапной вспышки света через лобовое окно. Она по-прежнему часто моргала, пытаясь избавиться от черных пятен в глазах, когда впереди возникло здание.

– Это наш дом? – спросила девушка. Может, мать что-то и ответила, но Вайолет так увлеклась разглядыванием дома, что пропустила ответ.

Он словно перенесся из сна – расшатанный, непредсказуемый и слегка перекошенный. Стены из красно-коричневого камня высились над деревьями и сужались в три шпиля, каждый из которых был украшен наконечником из ржавеющего железа. Вайолет даже не обратила внимания, остановилась ли машина, прежде чем схватиться за дверную ручку и выскочить наружу. Когда-то дом окружал сад, сейчас безнадежно заброшенный. Вайолет прошла по подъездной дорожке и поднялась на крыльцо по мшистым ступенькам.

– Удивительно, что он до сих пор стоит, – сказала Джунипер. – Дом очень ветхий.

– Он идеален. – Вайолет любовалась самым настоящим латунным дверным молотком.

Но ее восторг слегка уменьшился при мысли, как это место понравилось бы Роузи. Именно в такой дом они и мечтали переехать. Скрипучее старое поместье, где Роузи смогла бы рисовать фрески на стенах, а Вайолет – целый день играть на пианино; соседские дети считали бы их ведьмами. Вайолет попыталась отмахнуться от размышлений и постучала молотком по двери. Но они никуда не делись, а остались тонкой пленкой на коже, оборачивающей тело в кокон, как это обычно случалось с горем.

Дверь распахнула женщина на голову ниже Вайолет, с курчавыми волосами, в платье из багровой пряжи. Это была безумная зеркальная версия Джунипер, седину которой не тронула краска, а ступни остались босыми; никаких туфель на каблуках.

– Дарья, – приветствовала Джунипер. – Это мы.

Тетя Дарья склонила голову:

– Адвокатам вход воспрещен.

Будучи такой крошечной, она захлопнула дверь со впечатляющей силой. Вайолет изумленно отпрянула. Когда мама сказала, что Дарья больна, она

представляла человека немощного, прикованного к постели. Но не это.

– Дарья! – Джунипер тщетно задержала за дверную ручку. – Это не смешно. Открой дверь!

– Она в порядке? – тихо спросила Вайолет, глядя на кусочек красной пряжи, зацепившейся за дверные петли. Дарья не узнала даже собственную сестру. Джунипер обернулась, продолжая дергать за дверную ручку. Из ее пучка выбилась прядка и завитком упала на лоб.

– Вовсе нет. – Ее голос стал резким, напряженным. – У нее ранняя стадия слабоумия. Врачи хотели отправить ее в дом престарелых. Поэтому мы здесь.

Серебряная роза, прижатая к запястью Вайолет, такая прохладная и тяжелая на учабившемся пульсе.

– И ты не посчитала нужным рассказать об этом раньше?

Джунипер нахмурилась:

– Я же говорила, что она больна.

То же смутное недоумение появлялось на лице матери на похоронах Роузи. Джунипер справилась со всем с осторожной, отрететированной легкостью; она выбрала гроб во время обеденного перерыва и отказалась брать отпуск даже на день. На протяжении службы она сидела с обмякшим от вежливого безразличия лицом, и это выражение никуда не исчезло, даже когда они подошли к могиле. Вайолет боролась с искушением столкнуть ее в яму следом за гробом, но здравый смысл победил. И Роузи заслуживала компании получше.

Глядя на мать сейчас, Вайолет поняла, что любые попытки донести до нее мысль о своих оскорбленных чувствах будут пустой тратой времени. Если даже смерть Роузи пять месяцев назад не смогла заставить ее уделять больше внимания оставшейся дочери, это безнадежно.

– Невероятно, – пробормотала Джунипер. Она уже забыла о Вайолет, ее каблуки цокали от колонны к колонне. – Мы проделали такой путь... не может же она

просто оставить нас снаружи.

– А вот и могу! – раздался хриплый голос из-за бокового окна дома, потому слегка приглушенный.

Вайолет повернулась на звук: морщинистое лицо Дарьи прижималось к стеклу. Это натолкнуло ее на мысль. Уже через секунду она бежала в глубь сада, погружаясь небольшими каблуками туфель в травянистую почву.

– Что ты делаешь? – крикнула Джунипер ей в спину.

Вайолет проигнорировала окрик и поспешила на задний двор, переходящий в усаженный деревьями холм. С этого ракурса казалось, что самый высокий шпиль дома пронзал железным наконечником заходящее солнце.

Задняя дверь оказалась куда менее вычурной, чем передняя. Вайолет предположила, что когда-то это был служебный вход. И хоть ручка не повернулась, когда девушка на нее надавила, грязное оконное стекло покрылось паутиной трещин. Вайолет задумчиво оглянулась на дворик. Она увидела дом всего пару минут назад, но уже прониклась к нему странными родственными чувствами. Всю ее жизнь существовали только она, Роузи и Джунипер; отец – всего лишь туманное воспоминание, собранное из нескольких коротких шуток и драгоценных фотографий; а семья Сондерс – сплошная загадка. Этот дом – доказательство того, что на самом деле ее семья гораздо больше.

Вайолет оторвалась от созерцания деревьев и осмотрела самые распространенные потайные места, которые только приходили в голову; запасной ключ обнаружился под проржавелым цветочным горшком с увядшими цветами. Ключ тоже был ржавым и грязным, но смог отпереть замок. И теперь Вайолет шла по первому этажу своего нового дома.

Затхлое темное место, гулкие комнаты выглядели практически нежилыми. Вдоль главного коридора тянулись ряды чучел. Вайолет вздрогнула, случайно задев рукой стайку набитых птиц.

Из-за дивана в комнате, напоминающей гостиную, торчали мятая красная пряжа и курчавые волосы. Вайолет вздохнула и вошла в залитую солнцем прихожую.

Когда она распахнула входную дверь, мать стояла, хмуро облокотившись на перила.

– Ну, слава богу! – Джунипер поспешила внутрь. – Клянусь, это место всегда меня ненавидело.

Вайолет поплелась за Джунипер; мать замерла у приоткрытой двери в гостиную. Дарья уже не пряталась за диваном, а сидела, поджав колени к груди, ее платье распускалось спереди, словно шерстяное кровавое пятно. Руки женщины зарылись в жесткие вьющиеся волосы. Волосы Сондерсов – Вайолет часто слышала, как мать называла их именно так, и всегда раздраженно, будто их далекие шотландские предки были виноваты во всех смертных грехах.

Джунипер взяла дочь за плечо. Вайолет напряглась – она не помнила, когда мать в последний раз к ней прикасалась. Даже до аварии между ними всегда оставалась дистанция в несколько сантиметров.

– Я разберусь с сестрой. А ты пока начинай переносить вещи из грузовика.

В ее голосе слышались ласковые, почти виноватые нотки. Это было даже хуже, чем вежливое безразличие, как и беседа с Вайолет в машине была хуже, чем игнорирование. Ведь это значило, что Джунипер могла проявлять заботу, когда хотела. А значит, почти никогда не хотела.

Вайолет повела плечом и сбросила руку матери:

– Ладно.

Она сделала вид, что идет к выходу, но сама обернулась и стала наблюдать, как мать садится рядом с Дарьей. По прихожей прокатился слабый рокот слов. И хоть Вайолет не могла их разобрать, она уловила в интонации злость и сожаление.

Дарья уперлась рукой в плечо Джунипер – чтобы сохранять равновесие самой или оттолкнуть сестру, Вайолет не знала. Они вместе поднялись, словно четырехлапое чудовище, очерченное сзади светом, льющим через панорамные окна. Их силуэты слились с тенями, превращаясь в неясные очертания, и когда

Вайолет прищурилась, то могла поклясться, что увидела вспышку бирюзовых волос за их головами.

2

Только сердце Джастина приготовилось нанизаться на ребра, как он услышал три пронзительных свистка со стороны беговой площадки.

– Довольно! – рявкнул тренер Лоуэлл, опуская свисток.

Джастин с облегчением расслабился и перешел с бега на медленную трусцу. Обычно он с нетерпением ждал тренировок, но подготовка к сезону превратила его в изнуренную потную лужицу на трэке за школой Четверки Дорог. Остальная сборная по бегу с трудом поспевала за ним, пытая, тихо бранясь и постепенно завершая круг, чтобы остыть. На следующей неделе он идет в выпускной класс – последний год в этой команде.

– Время? – крикнул Джастин, переходя на нормальный шаг.

На краю спортивного поля теснились деревья, их корни под треснувшим асфальтом набухли, как вены. Дети часто собирались в этой части площадки, но они были неместными.

Джастин вырос в этом лесу. Но сейчас, находясь так близко к стволам со смыкающимися над головой ветвями, он почувствовал, как в его груди загорается искра тревоги. Он не мог избавиться от ощущения, что они тянулись к нему.

Тренер Лоуэлл хмуро посмотрел на секундомер в своей мясистой ладони.

– Готорн! – грубо позвал он. – Подойди сюда.

Школа Четверки Дорог была слишком маленькой и не получала достаточного финансирования для настоящей спортивной программы, но команда по бегу посещала соревнования и иногда даже в них побеждала. Большую часть забегов выиграл именно Джастин. Но, судя по хмурому выражению лица тренера Лоуэлла, вряд ли его позвали для поздравлений.

– Взгляни на это. – Тренер сунул Джастину под нос листок с результатами. Тот уставился на числа рядом со своим именем. Так медленно он не пробежал круг со времен своего девятого класса. Да чего уж там, так медленно он не бегал со средней школы!

– Что происходит? – резко спросил тренер Лоуэлл. Его темно-коричневое лицо сморщилось от раздражения. – Гонзалес чуть не обогнал тебя на третьем круге.

Джастин ошетинился:

– Да я даже во сне могу обогнать Гонзалеса!

– Ты должен подавать команде пример, Готорн. Если ты не сосредоточен, то и они не сосредоточены.

Джастин закопался носком кроссовки в расползающийся асфальт. Тренер был прав. Его мысли были заняты другим.

Просто казалось настолько мелочным беспокоиться о результатах своего забега, когда умер человек. Джастин не мог перестать думать о том, как этот последний погибший чувствовал себя за мгновение до того, как его целиком поглотила Серость.

У него было имя. Хэп Уитли. В некрологе говорилось, что он работал в одной авторемонтной мастерской с отцом. Джастин целых пятнадцать минут изучал его фотографию в «Газете Четверки Дорог»: бейсбольную кепку козырьком назад, кудрявые волосы, слегка прищуренные глаза, застенчивую улыбку. Прошло уже две недели, а Джастин по-прежнему представлял, как выглядел этот мужчина с фотографии перед тем, как его кремировали и погребли в мавзолее.

Сегодня прибыла семья Сондерс, в точности как и предсказывала его сестра. Полгорода видело их блестящую машину, направляющуюся к поместью Сондерсов. Но Джастин никак не ожидал, что мать позовет их с Мэй к себе в кабинет и прикажет держаться подальше от новых основателей.

«Они не знают правил этого города, – сказала она. – Скорее всего они окажутся мертвой ветвью на родовом древе. Не обременяйте их рассказами о нашем наследии».

И хоть Августа Готорн говорила с ними двумя, на протяжении всего разговора она смотрела только на Джастина. Он подумал о тонкой деревянной карте, лежащей между ним и Мэй, о переплетенных пальцах, о плоти и костях, о запахе грибов, гниющих под боярышником.

Так что да, его голова была занята другим. Но показывать это тренеру Лоуэллу было ошибкой.

Джастин не обладал силой, но хорошо умел располагать к себе людей. Он скопировал сутулую позу тренера, начал лениво размахивать рукой у бока.

– Больше это не повторится. – Джастин вложил в каждое слово убежденность, позволил им звонко раскатиться по площадке.

Тренер Лоуэлл почти мгновенно расслабился. Он доверял Джастину или, по крайней мере, доверял Готорнам.

– Я знаю. – Тренер взял Джастина за плечо и мягко улыбнулся. – Просто хочу убедиться, что ты готов к Длинному Озеру. Там будут скауты и даже студенты колледжей.

Скауты. Представители колледжей.

Джастин слабо кивнул, делая вид, что его гулко бьющееся сердце и неравномерное дыхание – просто побочный эффект тренировки. Остальные ребята из команды обошли его, направляясь к шкафчикам и оживленно обсуждая начало бегового сезона.

Разумеется, он всех их знал – со школы, вечеринок и тренировок. Но не имело никакого значения, что они с Кэлом соревновались друг с другом еще с детства или что он встречался с Сё-Цзинь Парк, Бриттой Мори и Мариссой Чехович. Между ними пролегла четкая дистанция. Раньше Джастин наслаждался своим привилегированным положением и отношением других к нему. Тем, как они смеялись над его шутками, как смотрели на него – дань уважения его семье. Признаком того, сколько хорошего они принесли городу.

Но когда в прошлом году нашли первый труп, взгляды сменились с дружелюбных на выжидающие. Серость забирала новую жертву каждые пару лет, обычно ближе к равноденствию, но никогда так много за короткий период времени. И постепенно Джастин начинал понимать, каково быть человеком, от которого жители Четверки Дорог ждали помощи во время беды.

Особенно тогда, когда он ничего не мог с этим поделать. Мать держала его бессилие в секрете уже почти год, но это невозможно скрывать вечно. В конечном итоге правда откроется, и тогда уважение города сменится отвращением.

Именно поэтому несколько недель назад мать после ужина вручила ему папку с заявлениями на предоставление спортивной стипендии.

Сначала Джастин не понял ее просьбы. Лишь одна ветвь рода единовременно могла унаследовать фамильную силу, так что, когда дети основателей, прошедшие ритуал, оканчивали школу, они не покидали города. Тем более в такое смутное время, когда весь город на грани вымирания, а основателей почти не осталось. Онлайн-курсы и общественный колледж – небольшая плата за сохранность родного города.

Но Готорны – не просто семья основателей. Они те, кто в ответе за город. В тот день мать объяснила ему, что Четверка Дорог должна видеть в них безупречных лидеров. А бессилие Джастина может уничтожить фамильную репутацию.

Августа Готорн велела ему покинуть Четверку Дорог прежде, чем город узнает правду. Она оплатит его обучение в государственном колледже, если он пообещает никогда не возвращаться.

Джастин пока не решил, исполнит ли ее просьбу. Может, предсказанное Мэй будущее позволит ему остаться. А может, это пустые надежды.

Обычно после тренировки Джастин шел домой, но сегодня согласился выйти на смену и помыть посуду в Закусочной. Августа Готорн была шерифом, а это значило, что Джастин не особо нуждался в работе. Но жители Четверки Дорог замечали, когда он за нее брался, и юноша делал все возможное, чтобы соответствовать репутации члена семьи основателей, посвятившего себя служению народу, а не только его защите.

Солнце уже спустилось к деревьям, когда Джастин приехал на пустую парковку Закусочной. Он закинул фирменный передник на плечо и вышел из машины, приветственно помахав рукой двум полицейским, курящим у заведения.

– Пришла твоя очередь патрулировать? – спросил офицер Андерс.

Джастин покачал головой:

– Завтра моя.

– А-а. Тогда смотри в оба. Трое за год – это слишком много. Нам не нужен четвертый.

Свободная рука офицера машинально сомкнулась на поясной кобуре, будто это его защитит. За Закусочной стеной стоял лес, дубы заслоняли собой здание.

Пистолет мало чем поможет, если угодишь в Серость, но половина подчиненных матери все равно упорно носили их при себе. Иллюзия безопасности для людей не из рода основателей. Как обереги с камнями на шеях, как стражи над входными дверями.

– Я буду осторожен, – пообещал Джастин, хотя мог бы патрулировать город и пьяным, и голым, если бы захотел. Августа Готорн не подпускала его к реальной опасности после того, как он провалил свой ритуал. Теперь он заступал на дежурство лишь для виду.

Медальон впился в запястье – диск из багрового стекла; символ, обозначающий, что с тех пор, как он получил свою силу, уже не нуждается в защите оберега с камнем, которые носили остальные жители города. Этот медальон был фальшивым, но Джастин носил его ради офицера Андерса и других, кто по-прежнему верил, что он настоящий основатель. Юноша попрощался и зашел в Закусочную, пытаясь побороть стыд.

Все в заведении выглядело так, будто вот-вот развалится. К стене прислонился почти вышедший из строя музыкальный автомат, издающий слабое фальшивое пение The Beach Boys. Из перегородок между плисовыми синими диванчиками виднелись кусочки желтой пены, мерцая в сиянии потрескавшихся флуоресцентных светильников. Джастин провел рукой по одному из столиков – столиков, которые никогда не выглядели чистыми, сколько бы раз их ни протирали.

– О, отлично. – Айзек Салливан читал за кассой. – Можешь сменить меня во время вечерней толкотни.

Лучше всего Айзека описывало одно слово – «демонстративный». Сбритые по бокам волосы и темные длинные локоны. Фланелевая рубашка, глухо застегнутая под горло. Одинаковые медальоны на запястьях, сияющие алым на фоне бледной кожи, – один заслуженный и один позаимствованный у брата.

– Они в любом случае будут пялиться на нас, детишек основателей, – сказал он. – Так почему бы не показать им то, на что интересно смотреть.

Наверное, поэтому они и стали лучшими друзьями. Айзек понимал, каково это, когда за тобой постоянно наблюдают.

Джастин завязал фартук на шее.

– Сегодня я не работаю за кассой. На мне мойка посуды.

– Я займусь посудой, – быстро ответил Айзек, хватая книгу и выходя из-за прилавка. – А ты обслужи посетителей.

Хоть они и работали в Закусочной уже не один месяц, Джастин все равно не мог сдержать смешка, глядя на фартук Айзека.

«Добро пожаловать в Закусочную! – было написано на нем курсивом. – Я – ваш дружелюбный официант. Я сделаю абсолютно все, чтобы вы остались довольны!»

– Серьезно? – спросил Айзек. – Ты тоже в переднике.

– Да, но тебя он бесит больше.

На скулах Айзека заходили желваки. Джастин давно знал, что означало это напряженное выражение: неприятности.

– Нет, – сказал он и коснулся кончиками пальцев передника. Воздух перед вышивкой стал нечетким и замерцал, Айзек подпалил стежки надписи, и они превратились в почерневшую, пепельную дыру.

Джастин мысленно отругал себя. Провоцировать Айзека было глупо, особенно на работе.

Айзек появился в Закусочной после несчастного случая в бакалейной, которая просто была разгромлена. Все в городе знали, что сюда его взяли только из-за статуса основателя и влияния Готорнов. Даже книга в руке Айзека и то была бы лучшим официантом, чем он сам.

– О, ты уже пришел. Ты нужен нам на кухне до вечернего наплыва посетителей. – Из-за кухонных дверей вышел Пит Бернэм. Закусочной владела его семья, но он единственный управлялся с ней. Пит увидел фартук Айзека. – Опять! – вздохнул он, проводя рукой по лысой голове. – Ты знаешь, что матушка Бернэм вручную вышивает их?

Айзек не выглядел впечатленным этой новостью.

– Так купите ей швейную машинку. Или посоветуйте найти увлечение получше.

– Не унижай матушку.

– У вас странное отношение к матери. Вам никто этого не говорил?

– Я не обязан выслушивать это от тебя, Салливан.

Воздух вокруг Айзека начал вихриться и мерцать, словно жар, поднимающийся от асфальта. Пит попятился к кухонным дверям. И Джастин уже приготовился вмешаться. Обычно Айзек прислушивался к доводам рассудка или, по крайней мере, доводам Джастина. Но не успел он открыть рот, как дверь Закусочной со скрипом открылась, и на пороге появилась незнакомая девушка.

Она вся состояла из острых углов и узловатых конечностей, глаза темные, а сияющие волосы по плечи черные как смоль. Дырки на джинсах оголяли бедра. Было нечто дикое в том, как она внимательно рассматривала Закусочную. От этого Джастину стало не по себе. Незнакомка почти не задержала взгляд на фартуке Айзека или на расстроенном лице Пита, прежде чем подойти к прилавку.

– Я так полагаю, что один из вас здесь работает? – бросила она в их сторону.

Пит тут же прыгнул за прилавок и натянул свою лучшую услужливую улыбку.

– Пит Бернэм, – представился он. – Управляющий этого прекрасного заведения.

– Очаровательно, – ответила девушка. Она была одной из Сондерсов. Иначе и быть не могло. В Четверке Дорог никто без причины не появлялся. – Тогда скажите, можно ли заказать еду навынос?

Пит яростно закивал, как китайский болванчик.

– Разумеется, – ответил он. – Вы сделали отличный выбор. У нас лучшая еда в городе!

– У вас нет особой конкуренции, – сухо подметила девушка.

– Что ж, да. У нас акцент на качество, а не на количество.

Она заказала что-то из меню за прилавком, хотя Джастин никогда не видел, чтобы в него кто-то заглядывал. Пит кинулся на кухню – наверняка радуясь, что можно убраться подальше от Айзека, – обещал проследить за шеф-поваром, пока тот готовит.

Девушка осталась стоять у кассы и рассеянно забарабанила пальцами по стеклу. Ее ключицы резко выступали под лямками майки. На шее висело спутанное украшение из кристаллов, тускло мерцая в неоновом свете.

Если эта девчонка – Сондерс, то, может быть, именно о ней говорили карты. Общение с ней может стать первым шагом к предотвращению новых смертей.

Джастин вспомнил о приказе матери держаться подальше от Сондерсов. Но на ее шее или запястьях не было багрового медальона основателей. Если Августа узнает, что он разговаривал с ней, Джастин просто сделает вид, что не знал, кто она.

Юноша покосился на Айзека, который сел за ближайший столик и открыл книгу. Он изучал страницу с такой сосредоточенностью, что, если она и была напускной, его полная незаинтересованность происходящим была очевидна. Что странно, ведь в последний раз в Четверке Дорог появлялся новичок, когда они учились во втором классе.

Но Джастин сам по себе. Во всяком случае, когда дело касалось общения с незнакомцами.

– Я Джастин Готорн, – представился юноша, пытаясь соответствовать энергичному тону девушки. Слова прозвучали странно и натянуто, но он все равно улыбнулся.

– Вайолет Сондерс, – неохотно ответила она, когда убедилась, что он действительно обращался к ней. – Ты тоже намерен петь дифирамбы кухне?

– Пит – владелец этого заведения, – сказал Джастин, не до конца понимая значение слова «дифирамбы». – Он обязан ее расхваливать.

– Хочешь сказать, на самом деле кухня не такая уж и замечательная?

– Нет! Нет, с едой всё в порядке.

– Что ж, в меню есть блюдо под названием «Тарелка отходов», – прокомментировала Вайолет. – Не очень убедительно.

– Это блюдо северного штата! – Джастин покраснел. – Оно съедобное.

– Съедобное или вкусное? Есть разница.

Джастин нахмурился, не зная, что ответить. Айзек ухмыльнулся за своей книгой.

– Вкусное, наверное. – Это была правда. Как и то, что Бернэмы выволокли бы его на парковку и избили, если решили бы, что он оскорбляет Закусочную, и фамилия бы его не спасла. А Джастину вполне нравился его нос целым. – Ты здесь новенькая, верно?

Банальный вопрос. Но он не знал, о чем еще спросить. Вайолет никак не отреагировала на его имя, так что ей определенно не было известно об основателях. А значит, его мать была права. Как эта девушка сможет ему помочь, если ничего не знает о Серости или о семейных дарах?

– Неужели этот городишко настолько маленький, что ты сразу это определил? – Вайолет убрала руку с прилавка. – Или я выгляжу так, будто мне здесь не место?

Она скрестила руки на груди. Этот простой жест, то, как она невольно ссутулилась, натолкнуло Джастина на мысли о Харпер Карлайл. А за мыслями о ней всегда следовало чувство вины. Джастин затолкал воспоминания подальше, но останавливать ком стыда, поднимающийся по горлу, было слишком поздно.

– Ты так и будешь на меня пялиться? – грубо поинтересовалась Вайолет.

Джастин с ужасом осознал, что его доброжелательная улыбка исчезла. Харпер действовала именно так – заставляла забыть, как быть Готорном. Заставляла ошибаться.

– Я не... – начал юноша, но в этот момент из кухни вышел Пит, в руках он держал увесистый бумажный пакет.

– Вот, прошу, – сказал он.

– Спасибо. – Вайолет выхватила заказ и расплатилась так быстро, как только было возможно. Но по пути к выходу вдруг остановилась и обернулась. Джастин ощутил короткую вспышку надежды, но взгляд девушки метнулся к Айзеку, который по-прежнему прятался за книгой. – Тебе не понравится концовка.

С этим она вышла за дверь, оставив после себя хрипящих The Beach Boys.

Айзек опустил книгу.

– Что ж, все прошло отлично. Готов поспорить, когда вернешься домой, она будет ждать тебя в постели.

– Эй, лежачих не бьют. – Джастин склонился над столиком. – И почему ты с ней не заговорил? Она новый основатель. Тебя должно это интересовать.

– Разве шериф не прочитала тебе лекцию? – вздернул бровь Айзек. – Они бессильная мертвая ветвь, оставь их в покое.

Может, Джастину и стоило удивиться, что его мать обсудила это со всеми, но нет. Августа всегда так поступала.

– Ты слушаешь ее даже реже, чем я.

Айзек пожал плечами:

– Может, считаю, что она права.

Дело было не в этом. Джастин знал Айзека лучше, чем кто-либо другой – ну, по крайней мере, лучше, чем кто-либо из ныне живущих. Он понизил тон, а значит, солгал. Но давить было бессмысленно, особенно когда Пит был недалеко.

Взгляд юноши зацепился за книгу, которую читал Айзек. «О дивный новый мир». Айзек любил читать литературу с броскими, претенциозными названиями, от которых Джастин чувствовал себя дураком.

– Ты же вроде уже читал ее? – спросил он.

Айзек кивнул.

– И что случилось в конце?

Юноша фыркнул и закрыл книгу.

– Последняя надежда человечества совершила самоубийство.

Джастин покачал головой:

– Вот черт! И с чего бы кому-то хотеть это читать?

– А ты еще удивляешься, почему она не захотела с тобой общаться.

– Салливан! – позвал Пит. Джастин видел, что тот все еще злится. – Ты планируешь сегодня работать или нет?

Айзек многозначительно обвел взглядом пустую Закусочную.

– Я делаю абсолютно все, чтобы посетители остались довольными.

Пит нахмурился:

– Просто надень новый фартук и выполняй свою чертову работу. И да, я вычту стоимость этой униформы из твоей зарплаты.

Айзек стукнул книгой по столу, и Джастин сразу напрягся. Но тот пошел переодеваться, и воздух вокруг него выглядел почти нормальным. А в случае с Айзеком «почти нормально» – это очень даже хорошо.

– Обычно он не такая сволочь, – заметил Пит, когда Айзек исчез за дверью.

– Он всегда становится таким за пару недель до годовщины.

– Ах... Верно. – Пит внезапно очень заинтересовался кассовым аппаратом. – Я постараюсь быть с ним помягче.

Айзек вернулся, со стуком распахнув дверь. Он прихватил новый передник.

– Если я обязан работать, то и ты тоже, – сказал юноша. – Хватит на меня жаловаться, иди мой посуду.

Джастин оглянулся на входную дверь, начали подтягиваться вечерние посетители.

– Я тут подумал... можешь заняться посудой, – сказал Джастин. – А я обслужу их.

Уголки губ Айзека дрогнули:

– Ну ладно, если тебе так проще.

Он стремительно скрылся на кухне, но Джастин успел заметить немую благодарность в его глазах. Шагая по залу, он чувствовал жжение в икрах, деревенеющих от напряжения после тренировки. Целая смена беготни с тарелками в обеих руках приведет к тому, что под конец вечера он окажется согнутым в дугу.

Но Джастин заставил себя выпрямиться, идти нормально и вежливо улыбаться. Потому что Айзек нуждался в нем, а Четверка Дорог возлагала на него надежды, и будь он проклят, если позволит кому-то узнать, как сильно он их уже не оправдывает.

* * *

Ужин прошел неловко. Вместо того чтобы остаться с Вайолет и Джунипер, Дарья положила себе остатки какого-то рагу и уединилась у себя в комнате. Зато ее кот, Орфей, надменный зверек с желтыми глазами и кусочком красной пряжи вокруг уха, остался и шипел на них, пока Вайолет не сдалась и не угостила его кусочком курицы.

Она гадала, каково это. Вот ты живешь одна многие и многие годы, и вдруг твое мирное существование прерывают люди, которые называют себя твоей семьей. Пугающе.

– Тебя это ранит? – спросила она у матери. – Видеть ее такой?

Губы Джунипер скривились.

– А ты как думаешь? Она едва меня помнит. – Она встала из-за стола и указала на остатки еды Вайолет: – Давай выкину.

Вайолет подавила желание напомнить матери, что, по крайней мере, ее сестра до сих пор жива. Она молча передала тарелку, вспоминая мальчишек из Закусочной, пока жевала последний кусочек курицы в пармезане.

Джастин – блондин, красавец и предсказуемо самоуверенный. И читатель, который так старался выглядеть отчужденно. В том, как они на нее смотрели, было что-то выжидательное. Ну, чего бы они ни хотели, останутся ни с чем. У Вайолет никогда не было парня. Или девушки, если на то пошло. Были влюбленности: пару лет назад она даже призналась Роузи в своей бисексуальности, но не чувствовала себя готовой к отношениям с кем-либо. Сестра и пианино были всем, в чем она нуждалась, и даже те несколько приятелей, которые у нее имелись, исчезли после смерти Роузи, не зная, чем помочь ей. Начало учебного года в новой школе обеспокоило бы ее куда больше, если бы ей было по кому скучать в Оссининге.

Вайолет с тихой дрожью вдруг осознала, что прошел почти целый день с тех пор, как она играла. Выгрузка вещей из автомобиля была медленным, трудоемким процессом. И до того, как идти за ужином, она успела перетащить только самое необходимое в свою новую спальню. Остальное дожидалось внизу, как ряды картонных стражников вдоль коридора, а в комнате слева девушка видела пианино.

Вайолет не разделяла очевидную любовь семьи Сондерс к таксидермии. Она отвела взгляд от стеклянных глаз трех оленьих голов и подняла крышку инструмента. Перед ней растянулся, словно улыбающийся рот, идеальный набор клавиш цвета слоновой кости – наконец-то что-то знакомое.

Вайолет опустила пальцы на клавиши, и по ее телу пробежала волна облегчения и радости. Пока она могла играть, она чувствовала себя дома. С тех самых пор, как она посетила свое первое занятие по фортепиано в четыре года. Тогда ее пришлось силком уводить из дома преподавательницы, пока она брыкалась и умоляла еще хоть секундочку понажимать на клавиши.

Вайолет сыграла пробную гамму. К ее большому удивлению, инструмент был настроен, возможно, на нем играла Дарья. Акустика в комнате была просто чудесной, и вскоре уже зазвучала Прелюдия и фуга № 6, до минор Баха.

После похорон Роузи практические занятия Вайолет стали хаотичными. Бывали и хорошие дни, но обычно музыка, такая недостижимая, только плавала в голове. Она бросила уроки, но все равно пару раз в неделю репетировала программу для прослушивания, пытаясь убедить себя, что все еще может вернуться в норму. Но сейчас всего за несколько минут игры она четко поняла, что репетиция программы всегда приводила к разочарованию.

Она не поступит в музыкальную школу. Уже нет.

Ее пальцы забегали по клавишам, спиралью удаляясь от программы и импровизируя новые звукосочетания. Вайолет закрыла глаза и позволила мелодии унести ее далеко.

Но спустя какое-то время в музыкальный вакуум проник новый шум. Вайолет отвлеклась и убрала руки от пианино. Было до странного тяжело отрывать пальцы от клавиш.

Она открыла глаза. В комнате царила кромешная тьма.

Она недоуменно заморгала, когда шум повторился – полый, слабый звук. Из темноты появилась пара сияющих глаз, и Вайолет отползла по banquetке, пытаясь нащупать телефон. Когда она набрала побольше воздуха для крика, из-под banquetки показался знакомый кусочек красной пряжи.

– О... – Девушка резко выдохнула затаенный вдох. – Это всего лишь ты.

Кот снова издал свое странное мяуканье, напоминающее скрежет миниатюрной бензопилы, и прижался к банкетке. И внезапно укусил Вайолет за лодыжку.

Девушка выругалась и поджала под себя ноги. Наконец нашла телефон на пюпитре. Но когда экран загорелся, она оцепенела. Она была уверена, что играла минут десять, может, двадцать, но часы говорили, что она просидела здесь почти два часа. Она и раньше увлекалась музыкой, но не так сильно.

Вайолет встала и поспешила к двери.

Тревожное ощущение не покинуло ее, даже когда она дошла до спальни. Та была куда просторнее ее комнаты в Оссининге; стены из рыжевато-бурого камня, кровать – огромный монстр с балдахином, как из музея. И, конечно, очередные жуткие чучела. Вайолет отнесла в соседнюю комнату ворону и оленью голову, борясь с причудливым желанием извиниться перед ними. Вернулась в спальню, и ее взгляд наткнулся на пирамиду коробок у дальней стены, каждая из которых была отмечена крупными черными буквами «РОУЗИ».

Вечером перед переездом, когда Джунипер собрала все вещи Роузи, Вайолет впервые зашла в комнату сестры после аварии. Обыскала все полки, комод, шкаф и раскрыла все ее тайны: наполовину пустую бутылку виски из-под матраса, нижнее белье, укутанное в футболку из комода, любовные послания от Элис, спрятанные в куртке. Целый час она превращала Роузи из человека, которым она была, в человека, которым хотела видеть ее мать. А когда закончила, свернулась калачиком на своей кровати с привкусом пепла на языке.

Теперь эти коробки – красочный, но изысканный портрет девушки, которая была артистичной, но в очаровательном смысле этого слова, скорее Моне, чем Ван Гог. Вайолет перевела взгляд на картину над ними.

Это была работа из портфолио Роузи; абстракция, которая изображала Вайолет, – мазки краски, размытые и объединенные в головокружительные узоры, которые кружились и вихрились, если смотреть на них под правильным углом. Роузи написала таких четыре холста, по одному на каждого члена семьи Сондерс, несмотря на то что их отец давно умер. Благодаря ним она попала в три лучшие художественные школы. Душевные картины, как Роузи их называла, и пусть Вайолет посмеивалась над сестрой за ее склонность к Новой эре, она не отрицала, что название вышло подходящим.

Может, все остальные вещи Роузи и были ложью, но душевная картина с изображением Вайолет – нет. Девушка подошла к ней, и чем дольше она вглядывалась в знакомый холст, тем быстрее ее покидала тревога.

Она прикоснулась к холсту кончиками пальцев и задернула шторы. Черные очертания деревьев сияли в лунном свете, зигзагом покрывая стену дома, словно ряд сломанных зубов.

3

Харпер Карлайл ловко парировала и совершала выпады, ее босые ноги погрузились в мягкую почву, когда она ускорила темп. Девушка представила монстра из Серости – тощего, скелетообразного, безликого – и перешла в нападение. Желтеющее кружево ее сорочки собралось вокруг колен, когда она пронзила мечом грудь воображаемого существа.

Она не знала, как выглядит Зверь. Никто из живых не знал.

Но Харпер знала, как он звучит. Не проходило ни дня, чтобы ее не преследовало воспоминание о его тоненьком, резонирующем голосе в ее голове.

Уже почти рассвело, но она была на ногах с трех часов, тренируясь управлять с мечом за семейным коттеджем. Вокруг нее ютились каменные животные в чахлой траве – красновато-коричневые зрители. Эти статуи были почти семейной реликвией Карлайлов. Некоторые создавались как стражи, вырезанные из затвердевшей глины и служащие в качестве грубых сосудов для глаз и ушей Карлайлов. Но другие, как олень, некогда были живыми, прежде чем Карлайл превратил их в каменных охранников, повинующихся воле хозяев по мановению руки.

Прошло много времени с тех пор, как Четверка Дорог видела столь могущественного Карлайла.

– Я победила, – тихо произнесла Харпер, и в ту же секунду на ее мобильном, лежащем между ушами спящего стража-оленья, зазвенел утренний будильник.

Харпер направилась в дом, прихватив с собой меч, хоть ей и пришлось использовать культю, чтобы открыть дверь. Потеря левой руки преобразила ее стиль борьбы, изменила равновесие, работу ног, технику выпадов. Но то, какой уверенной она себя чувствовала с мечом, осталось неизменным.

Думать о первом учебном дне было легче с мечом в руке.

Харпер вытерла ноги, бесшумно крадясь по дому, останавливаясь лишь для того, чтобы неохотно вернуть меч на его почетное место над камином. Может, такой ранний подъем для тренировки и был излишним, но в ее семье восемь человек. И все любопытные, даже младенцы. Ни один из них не знал, что она продолжила практиковаться после несчастного случая.

Харпер была готова пожертвовать сном, чтобы все так и оставалось. Все равно ее сон после потери левой руки и сном-то назвать было трудно. После дня, когда она попала в Серость.

И через три года Харпер все еще снились воды озера, смыкающиеся над головой. Снилось, как она вынырнула в другом месте, где воздух не наполнял легкие, а ее рука рассыпалась в щебень на берегу. Это был лес или походил на него, но деревья казались скрюченными скелетами, согнувшимися под неподвижным небом, которое сияло стальным блеском. В Серости не было красок. Никаких тонов, помимо ярко-алого цвета ее крови.

Харпер отмахнулась от воспоминаний и, сбросив напряжение, продолжила заниматься своими утренними делами.

К шести – когда звенел будильник родителей – Харпер уже оделась, забросила все попытки привести в порядок свои темные кудри по пояс и подвела глаза. Следующие полчаса она стаскивала Бретта с Норой с кроватей, чтобы отправить их готовиться к школе, и попутно пыталась не споткнуться о провод утюжков для волос Митси.

– Может, поможешь? – Харпер оглянулась на туалетный столик, за которым Митси вплетала в свои рыжие волосы медальон основателей. – Разбуди Сета.

– Я занята. – Митси наклонила голову, любуясь блеском украшения.

– Чем, разглядыванием своего отражения? – Харпер не могла сдержать ноток зависти в своем голосе. Она так и не получила медальон, ей приходилось довольствоваться простым оберегом с камешком.

Лицо Митси в запятнанном зеркале выражало странную смесь самодовольства и жалости.

– Можно ли меня в этом винить?

– Все нормально! – крикнула Нора, на бегу надевая две совершенно разные туфельки. – Я сама его разбужу.

– Ты же знаешь, что это туфельки от разных пар, верно? – поинтересовалась Харпер, улыбаясь младшей сестре. Безграничная энергия Норы перепугала многих нянь, но Харпер любила это ее качество.

Нора надула губки:

– Мне нравится, как они смотрятся.

Прежде чем Харпер смогла ответить, дверь в их комнату распахнулась. На пороге стоял отец, Морис Карлайл, держащий на руках ерзающего малыша Олли.

– Пора завтракать, дети, – сказал он Бретту с Норой. – Я приготовил блинчики.

Бретт с Норой кинулись к двери, и когда Морис отошел, чтобы пропустить их, на его угловатом лице появилась улыбка:

– Дальше я сам.

Обычно утром порядок сборов контролировал отец, поскольку мать Харпер, Лорел Карлайл, часто была в командировках по своим адвокатским делам в соседнем городке. Но Харпер ничего не имела против. Лорел отдавала

предпочтение Митси, а любимицей Мориса всегда была Харпер. И она радовалась, что именно он проводил больше времени дома.

Остаток утра прошел как в тумане. Прогулка с Бреттом и Норой к автобусу, усаживание Митси, Харпер и Сета в разбитый автомобиль отца, грохочущая дорога в школу Четверки Дорог. Сет резко остановил машину посреди двух парковочных мест и направился прямо к лентяям, которые каждое утро тусовались за школой и курили сигареты. Через секунду упорхнула и Митси, встряхнув рыжими волосами.

Харпер шла медленнее, крупная сумка оттягивала плечо. Толпа впереди разделилась на две части, инстинктивно обходя скамейку, где в окружении своих почитателей сидели Готорны. Широкие плечи Джастина выделялись из толпы, тонкая голубая ткань футболки натянулась, когда он повернулся к Мэй и рассмеялся. Утренний свет превратил его светлые волосы в волны расплавленного золота, а медальон на запястье сиял кроваво-алым.

В Четверке Дорог чтили потомков основателей, но любовь города к Джастину была больше, чем просто дань уважения его семье. Он тепло приветствовал каждого встречного, а некоторых избранных даже хлопал по плечу. Отходя от него, люди выглядели одурманенными, словно долго смотрели на солнце.

Но в Харпер его тщательно отрепетированная улыбка пробуждала только ярость, как точильный камень, заостряющий лезвие меча.

После несчастного случая она считала себя разочарованием. Но отец велел ей использовать слово «выжившая» – и Харпер прислушалась. Нет смысла бичевать себя за провал ритуала. Ее злость предназначалась Готорнам, которые решили, что она ничто, когда Харпер вернулась из Серости без своих сил. И персонально Джастину Готорну, который отверг их дружбу длиною в жизнь, встав на сторону матери вместо того, чтобы поддержать подругу.

– Трус, – пробормотала девушка, пробираясь через толпу.

Харпер пришла в кабинет первой. Заняла свое место, на котором сидела с девятого класса. Постепенно начали прибывать одноклассники, большинство – только после второго звонка.

В школе Четверки Дорог было всего пятьдесят семь выпускников. Все они были знакомы друг с другом с младенчества, и хотя Харпер чувствовала на себе взгляды учеников, с ней никто не здоровался. Впереди сплетничали Лия Рейнс и Сюзетт Лэнхэм; они были лучшими подругами, которые с недавних пор начали встречаться и уже были номинированы на лучшую пару класса для выпускного альбома. Энни Мур занял место справа от нее, а Сё-Цзинь Парк и Кэл Гонзалес сели рядом, оживленно обсуждая команду по бегу.

Харпер привыкла, что ее избегали. После несчастного случая никто не знал, как с ней общаться. Поначалу она считала, что дело в травме. Харпер приняла решение не надевать протез; ее семья не могла себе позволить миоэлектрический, а косметический ей не хотелось. Все знали, что с ней произошло; они бы пялились в любом случае. Но виной косым взглядам и неловким беседам была не рука. Никто из Четверки Дорог не находился в Серости больше пары часов. Харпер пробыла там четыре дня.

До нее доходили слухи, что Серость навсегда ее изменила; что ее отпустили лишь потому, что Зверь позволил этому случиться; что она основатель, которого превратили в шпиона; монстр, затаившийся в теле девочки-подростка. Все это не более чем сказки. Но Харпер знала, что некоторые люди предпочтут сказку правде.

Она возилась с пеналом, когда вошел Джастин. Половина класса выкрикивали приветствия, пока он шел в глубь кабинета, как всегда, в сопровождении Айзека Салливана – своей фланелевой тени.

Айзек никогда не был расположен к ней, хотя их всю жизнь сводили вместе, как и всех детей основателей. И эти чувства были взаимными. После того как Харпер заставили прекратить общение с Джастином, Айзек Салливан занял ее место. Она понимала, что не должна обижаться на Айзека, что он живое доказательство того, как легко было Джастину найти ей замену, но все равно его недолюбливала.

И Харпер испытала мелочное удовольствие, заметив, как одноклассники кривятся, когда Айзек проходит мимо. Люди смотрели на Джастина, потому что он заслужил их уважение. А на Айзека – потому что он заслужил их страх.

Еще три года назад она была с ними, приходила с опозданием, смеялась над глупыми шутками Джастина и садилась на задний ряд. Харпер гадала, было ли Джастину трудно делать вид, словно они незнакомы. Наверное, нет. По крайней мере, не так, как ей. Он первый начал вести себя так, будто ее не существует, как только она перестала быть полезной. А значит, на самом деле между ними никогда ничего и не было.

Харпер подавила свой гнев, по кабинету прошел ропот. Проследив за взглядами одноклассников, она увидела смущенную девушку в дверном проходе, осматривающую парты в поисках свободного места. Харпер не нужно было оглядываться, единственная свободная парта стояла перед Айзеком Салливаном. И даже самые рассеянные ученики школы Четверки Дорог знали, что там сидеть не следует. Но у новенькой не оставалось выбора.

Она прошла по кабинету, глядя только перед собой и игнорируя любопытные взгляды одноклассников. От подобного внимания у Харпер мурашки бы маршировали по коже, но девушка даже не вздрогнула. Новый ученик в школе Четверки Дорог был почти неслыханным делом. Последней, кто сюда переехал, была Бритта Мори, во втором классе, и люди считали ее чужаком.

Миссис Лэнхэм – мать Сюзетт и по совместительству их классная руководительница – прочистила горло, пока новенькая занимала свое место.

– Добро пожаловать обратно, – сказала она, многозначительно глядя на девушку, когда та уронила рюкзак на пол. – Знаю, все вы рады вернуться к очередному году обучения в школе Четверки Дорог.

Ученики пристально смотрели на нее. Позади кабинета начала вибрировать парта Айзека, правая расшатанная ножка лихорадочно застучала по полу. Миссис Лэнхэм игнорировала.

– Что ж, давайте попробуем еще раз, – вздохнула учительница. – Вы рады вернуться к своему последнему году обучения в школе Четверки Дорог?

На сей раз кабинет взорвался равнодушными хлопками. Даже Харпер не смогла сдержать улыбки. Через год она навеки покинет это место и поступит в любой государственный колледж, который обеспечит лучшую финансовую помощь – Бингемтонский университет или Дженесео, если повезет.

Харпер знала, что большинство выпускников никогда не покинет Четверку Дорог. Судьбу хуже сложно представить. Все, чего она хотела, это сбежать – от вечно растущего числа братьев и сестер, от холодного пренебрежения семьи Готорн, от места, где она никогда не сможет забыть свои ошибки.

– Выпускники, – продолжила миссис Лэнхэм, – прошу вас поприветствовать нашу новую ученицу – Вайолет Сондерс!

Сондерс.

Пульс Харпер участился под новую волну ропота, становившегося все громче. Новенькая решительно уткнулась взглядом в парту, пока те немногие, ранее не обратившие на нее внимания, обернулись, чтобы рассмотреть ее.

Харпер гадала, почему Сондерсы вернулись. Ей казалось непостижимым, что кто-то захочет вернуться в этот город, пусть и с кровью основателей в жилах. Зато присутствие всех четырех семей определенно беспокоит Готорнов. Отец рассказывал Харпер о своем детстве, когда мэр Сондерс доверял каждой семье патрулировать собственную территорию. Но это было прежде, чем семья Сондерс начала угасать. Прежде, чем сбежали Салливаны. Теперь на патруль в основном выходили только Готорны и Карлайлы, а шериф Готорн вела себя так, будто все остальные выглядели незначительными на ее фоне.

Миссис Лэнхэм повесила в передней части кабинета расписание уроков и начала по одному вызывать учеников. Ее голос прерывал звук истеричной парты Айзека. Как всегда, он был откровенно невнимательным, его книга раскрылась на парте, сама парта подпрыгивала в такт дыханию и билась о спинку стула Вайолет Сондерс, пока разъяренная новенькая наконец не развернулась и не впилась руками в дерево.

– Эй, «О дивный новый мир»! – Ее голос был мелодичным и сильным; голос, заставляющий людей слушать. Харпер убила бы за такой голос. – Ты не мог бы перестать, пока не проделал вмятину в моей спине?

Глубокий голос Айзека сочился притворной невинностью:

– Что перестать?

– Биться своей партой о мой стул, – пояснила Вайолет с совершенно каменным лицом. – Некоторые из нас пытаются слушать, а ты даже не представляешь, как отвлекаешь меня.

После ее слов все ученики резко затаили дыхание. Никто не смел так разговаривать с детьми основателей, и уж тем более с Айзеком Салливаном. Не после слухов о дне его ритуала. Сплетен, что вся его семья покинула город именно из-за него.

Парта Айзека замерла, а воздух перед его ладонями замерцал. Харпер мысленно приготовилась, а глаза новенькой расширились. Лия и Сюзетт взялись за руки; Кэл и Сё-Цзинь приподнялись со стульев. А Джастин Готорн наклонился и опустил ладонь на руку Айзека. Ни один из них не произнес ни слова, но Айзек резко повернул к нему голову. Их взгляды встретились, торжественные и бесстрастные, и мир вернулся к норме.

– Я, наверное, не заметил, – сказал Айзек.

Джастин коротко кивнул, прежде чем вернуться за свою парту. Напряжение в кабинете спало.

– Спасибо, – ответила Вайолет и при этом смотрела на Джастина.

Харпер уже представляла, как все произойдет. Джастин заманит Вайолет в свою ловушку, как когда-то заманил ее – они были детьми, а она еще не была всеобщим разочарованием. Ей следовало сделать это в ту секунду, как она поняла, что он ее бросил. Отпустить Джастина Готорна.

Харпер развернулась лицом к учителю. Через сколько Вайолет будет сидеть на задних рядах по своей воле – на том самом месте, которое должно было принадлежать ей?

Харпер гадала, будет ли ей хоть когда-нибудь по-настоящему все равно.

* * *

Когда Вайолет вернулась после первого учебного дня, то обнаружила перед своим новым домом множество незнакомых машин. Первый день в школе Четверки Дорог был полной противоположностью школе в Оссининге – классы оказались настолько маленькими, что под конец уроков Вайолет запомнила бо?льшую часть своих одноклассников. Ее мышцы ныли от велосипедных педалей, а ехать в школу на «Порше» было невозможно. Роузи вела машину, когда ее протаранил грузовик. С тех пор Вайолет не прикасалась к рулю.

Она потащила велосипед по грубому гравию подъездной дорожки, хмуро разглядывая автомобили. С тех пор как они переехали, по особняку пронесся шквал дезинсекторов и уборщиков, столько за такой короткий промежуток, что это казалось излишним.

Со стороны сада из-за крыльца донесся глубокий гортанный лай. Вперед вышли два гигантских мастифа – один черный, другой бурый в пятнах. Их привязали цепью к гниющим деревянным перилам.

Их взгляд напомнил ей мальчика, читающего в Закусочной, который был так враждебно настроен к ней в классе – тихая, злобная уверенность; она исходит только от тех, кто слишком опасен, чтобы бояться. Вайолет видела, как после уроков во дворике Айзек и Джастин вели напряженный разговор с блондинкой, так похожей на Готорна, наверняка его сестрой.

Было что-то пугающее в том, как все инстинктивно им подчинялись; как ученики чуть ли не подскочили с мест, чтобы поздороваться, когда юноши вошли в кабинет. В Уэстчестере место популярных детишек занимали стандартные спортсмены и президенты школьного совета, стремящиеся прямоком в Лигу плюща. Это же трио от них отличалось. Они не были королями и королевами школы Четверки Дорог – нет, они были богами.

– Хорошие мальчики. – Вайолет прислонила велосипед к противоположной стороне крыльца. – Милые, вероятно, пожирающие людей песики.

Она юркнула во входную дверь, раздумывая, кто хозяин животных, которые в приступе гнева могут откусить тебе конечность.

Внутри раздавались небрежный приглушенный смех и ненавязчивая звонкая музыка. Вайолет пошла на шум в гостиную, где стояли небольшими группками

около двадцати взрослых с напитками в руках и кивали в такт кантри, доносящейся из дорогих колонок Джунипер.

Картина выглядела очень странно. Ее мать ненавидела такие сборища. Кроме того, они не пробыли в Четверке Дорог и недели. Как ей удалось собрать так много старых знакомых?

Вайолет приняла решение спрятаться у себя в комнате, пока вечеринка не подойдет к концу. Но прежде чем она успела сбежать, ее имя пропищали таким ультразвуком, который смогли бы разобрать только мастифы снаружи.

– Вайолет Сондерс! – Женщина, которую Вайолет не узнала, потянула ее в комнату. Ее заплетенные в косы волосы были обмотаны вокруг головы. – Это ведь ты, верно?

Вайолет подавила сильное желание солгать.

– Это я, – ответила девушка. – А вы?

– Можешь звать меня миссис Мур, милая.

К ним присоединилась еще одна женщина – бледная и с веснушками. Ее запястья украшали два браслета с камнями.

– А я – матушка Бернэм. По крайней мере, для всех, кто младше двадцати пяти.

Вайолет пожала ей руку. Глазки-бусинки женщины сузились, пристально ее разглядывая.

– Ты – дочь Джунипер?

Вайолет кивнула:

– Да.

– Вы с ней похожи.

Такое Вайолет слышала впервые. Роузи больше походила на Джунипер – кудрявые волосы, круглая форма лица, широкая улыбка и слегка кривоватые коренные зубы. Вайолет же достались отцовские густые прямые волосы и невероятная способность постоянно сгорать на солнце. Роузи, любившей загорать на заднем дворике в процессе рисования, об этом никогда не приходилось беспокоиться.

Но Роузи не стало. Теперь остались только они с Джунипер.

– Наверное, – хрипло ответила Вайолет. – Так вы дружили с моей мамой?

Миссис Мур хихикнула и кивнула:

– Если это слово подходит для отношений между такими, как она, и такими, как мы.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Вайолет.

Женщины украдкой обменялись понимающими взглядами, отпивая из бокалов с вином.

– Никто из вас, основателей, никогда не был в теплых дружеских отношениях с нами. – В голос миссис Мур прокралась горечь, которую Вайолет прежде не замечала. Но теперь это было всем, что она слышала. – У вас всегда были более важные дела.

– Основателей? – переспросила Вайолет. Джастин тоже так назвал ее в Закусочной.

– Ну-ну, Клара, – матушка Бернэм предостерегающе опустила руку на плечо миссис Мур, – ты должна понимать, Вайолет, она не хотела сказать ничего плохого о твоей маме. Seriously, нельзя винить ее за то, что она уехала, особенно после того несчастья со Стивеном...

Еще одно имя, которое Вайолет было незнакомо. Но прежде чем она успела спросить о нем, их перебил низкий, холодный голос:

– Вижу, сплетничаете. – Присоединившаяся к ним блондинка была просто великаншей, мускулистой, но при этом царственной – королева и страж в одном лице. – Дамы, вам не кажется, что вы наговорили достаточно глупостей за один вечер?

Миссис Мур и миссис Бернэм растворились в толпе, торопливо попрощавшись с Вайолет. Незаданные вопросы так и остались неозвученными.

– Августа Готорн, – представилась женщина, протягивая руку в перчатке, которая была примерно с голову Вайолет.

Вайолет пожала ее, ожидая, что пальцы сейчас сдавит, но мягкая потертая кожа и хватка оказались на удивление нежными.

– Вайолет Сондерс. Кажется, я знакома с вашим сыном.

Она бы заметила сходство этой женщины с Джастином, даже если бы та не назвала свою фамилию. У них были одинаково красивые угловатые черты, та же розоватая кожа и тонкие светлые волосы; манера держаться была схожа, словно они ожидали, что все в комнате к ним тотчас повернутся. И быть может, так оно и было – присутствующие просто прожигали взглядом искусственно порванную футболку Вайолет.

– Ах... Джастин, – в лице Августы Готорн промелькнуло что-то нечитаемое, – он любит производить впечатление.

– Полагаю, можно сказать и так.

– Я пришла, чтобы представиться. – Августа открыла бумажник. Внутри блеснул серебряный щиток с кружком красного стекла посередине – значок шерифа. – Как шериф такого маленького городка, я предпочитаю лично всем сообщать, чтобы не стеснялись обращаться ко мне в случае каких-нибудь проблем.

– Это похвально. – Что-то в голосе женщины заставило Вайолет задаться вопросом, о какого рода проблемах она говорит.

Но прежде чем мысль успела полностью сформироваться, рядом возникла Джунипер.

– Вот ты где. – Слова были адресованы Августе, и было очевидно – леди знакомы. – Я полагаю, это сборище было твоей идеей?

Значит, не Джунипер спланировала эту спонтанную вечеринку. Вайолет почувствовала каплю гордости, чутье ее не подвело – ее мать не настолько любила людей.

Августа кивнула:

– Мне показалось это правильным решением. Я поделилась своей идеей с некоторыми другими, и все высказали заинтересованность в том, чтобы наверстать упущенное.

– Ты имела в виду заинтересованность в том, чтобы шнырять по моему дому, – отчеканила Джунипер. – А для наверстывания упущенного у тебя было тридцать лет, чтобы хотя бы позвонить мне.

– А у тебя было тридцать лет, чтобы навестить нас.

Глаза Джунипер стали такими же ледяными и стеклянными, как глаза оленя на стене.

– Слышала, ты пошла в правоохранительные органы. – В ее голос проникли те же тихие злобные нотки, которые она использовала в разговоре с буйными инвесторами. – Должно быть, тебе это очень нравится.

– А я слышала, что ты занялась... финансами?

– Разработкой программного обеспечения.

– Как увлекательно.

Все, что эти женщины знали о Джунипер, скорее было слухами, чем реальностью. Но Августа Готорн была другой. Между ними ощущалась своего

рода запятнанная фамильярность. Это натолкнуло Вайолет на мысль, что ее мать не просто покинула город – она распрощалась с особым образом жизни. Дарья – первая из ее потерь. А шериф, похоже, вторая.

– Надеюсь, вы не против, если я вас оставляю, – сказала Августа. – Нужно проверить собак. Они склонны хулиганить в незнакомых местах.

Значит, это она хозяйка мастифов. Вайолет была не удивлена.

– Конечно, – кивнула Джунипер.

Когда Августа ушла, Вайолет повернулась к матери:

– Кто она?

Джунипер смущенно потянула за отворот блейзера:

– Моя лучшая подруга.

Вайолет сделала глубокий вдох.

– А кто такой Стивен?

Джунипер застыла. Даже кантри, кажется, заиграла тише. Внезапно Вайолет подумала, что количество мертвых в этой комнате превышало живых: оленья голова на стене, лисы в углу, гнездо птиц, прибитое над диванами.

Джунипер еще не успела ответить, а Вайолет уже знала, что она солжет.

– Может, кто-то из местных? – осторожно предположила она. – Прошло много времени. Всех и не упомнишь.

– Я тебе не верю.

Вайолет еще никогда не видела свою мать такой потерянной или потрясенной.

– Я не буду говорить об этом здесь.

Вайолет указала на дверь.

– Вот и славно. Вечеринка все равно отстойная.

В коридоре было гораздо тише. Взгляд Джунипер заметался по стенам из красноватого камня, она расслабилась только тогда, когда убедилась, что у лестницы никого нет.

– С моей стороны глупо было надеяться, что этот город забыл о той истории.

– Какой истории?

Мать вцепилась в бокал.

– Истории со Стивеном, – ответила она. – Моим младшим братом.

По спине Вайолет пробежала дрожь. Она не знала, чего ожидать, но только не этого.

– У тебя есть брат?

Каждое слово, произнесенное Джунипер, было отрывочным и осторожным, как на похоронах Роузи.

– Был. Он умер за пару месяцев до того, как я окончила школу.

– Ты ни разу о нем не говорила. – Вайолет не могла сдержать обвинительных ноток. – Поэтому ты уехала?

Джунипер, вздрогнув, глубоко вздохнула:

– Да. Из-за Стивена.

– Сплетничаете? – Дарья присела на втором этаже, словно паук, ее глаза блестели желтовато-карим в свете пыльной люстры над их головами.

– Я не могу говорить об этом в присутствии Дарьи. – Голос Джунипер задрожал, выдавая легкую панику. – Это ее расстроит.

– Как по мне, так это ты расстроена, – парировала Дарья.

– Значит, если Стивен был твоим братом...

– В другой раз. – Голос Джунипер вновь стал твердым и уверенным. Она поспешила обратно в гостиную, залпом осушая бокал.

Вайолет не погналась за ней. Ей не доставало сил, чтобы так быстро прийти в себя. Ее переполняло до краев новое ужасное открытие.

– Держись подальше от леса, косточка, – с упреком посоветовала Дарья с вершины лестницы. – Я вижу, как его ветви тянутся к тебе.

Но Вайолет точно ее не слышала.

Брат Джунипер умер, и поэтому она сбежала. И продолжала бежать, отрезав Вайолет от семьи отца после его смерти. А затем вытащила их из Оссининга после того, как они потеряли Роузи. Ей было все равно, кого она оставляла позади. Все равно, какие разрушения оставляла за собой.

Вайолет поплелась в свою комнату, голова раскалывалась. Девушка свернулась калачиком на кровати и плакала так отчаянно, как не могла позволить себе Джунипер, – за отца и сестру, которых она потеряла, и за дядю, которого никогда не узнает. Скоро шум внизу прекратился. Вайолет вытерла лицо одеялом и решительно направилась в музыкальную комнату. Она нуждалась в инструменте. Только он мог очистить сознание и ослабить боль.

В этот раз она даже не пыталась сыграть программу для прослушивания. Ее пальцы легко забегали по клавишам; боль, которую она не могла выразить словами, выплескивалась в виде аккордов, отражающихся от каменных стен комнаты. Вот какой стала ее жизнь без Роузи – громкими всполохами звука без

зрителей. И в эту секунду Вайолет пошла бы на все, чтобы вернуть сестру хотя бы на мгновение.

Она закрыла глаза, пытаясь подавить чувство тоски и избавиться от боли. А когда открыла их, пианино исчезло.

На его месте было небо, полное неподвижных серых облаков, сияющих, как тупая сталь.

4

Вайолет лежала на спине, ее руки и ноги раскинуты в стороны, словно у выброшенной игрушки.

Над ней простирались в бесконечность темные пепельные стволы и голые ветви, спиралями поднимающиеся к застывшему небу. Все вокруг было черно-белым и совершенно безжизненным. Мир казался двумерным, как декорации для спектакля – лес из картона и разукрашенной фанеры.

Вайолет села, и позвоночник пронзила боль – каждая часть тела задеревенела: босые ноги, мозолистые ладони. Руки от кончиков пальцев и до локтей покрыты грязью.

Она не знала, где оказалась. Почему все тело ныло. Как она сюда попала. Вайолет с трудом поднялась на ноги. Воображение затопил страх, но разум оставался ясным.

Пока она не увидела тело.

Конечности гротескным образом вывернулись, из плоти выглядывали обломки костей. Кожа вздулась и посерела. На торсе блестел идеальный полукруг – следы зубов, предположила Вайолет, хотя и не могла представить себе

животное с такими широкими челюстями. Из ран сочилась прозрачная маслянистая жидкость.

Предположить, что когда-то это было человеком, можно было только по серебряному щиту, приколотому к груди. Вайолет встретила взглядом с белыми незрячими глазами и увидела, что язык жертвы наполовину откушен.

Девушка набрала побольше воздуха в легкие и закричала или попыталась закричать. Из горла вырвался звук, но он не был криком ужаса, а лишь тихим хрипом, а крик раздался с опозданием на секунду – визгливый и испуганный. Вайолет сделала единственное, что имело смысл. Кинулась бежать.

Она мчалась, пока деревья, земля и неподвижное небо не слились воедино, ее дыхание со свистом выходило из легких, звук шагов по лесному покрову раздавался с секундной заминкой. Когда у Вайолет не осталось сил даже на следующий шаг, она согнулась пополам и опустошила желудок.

А когда с дрожью выпрямилась, последнее, что она ожидала увидеть, это свою сестру, стоящую перед деревом. Вайолет открыла в изумлении рот, но не издала ни звука.

На Роузи была та же одежда, в которой она умерла: рваные джинсы, забрызганная краской майка и малиновая кожанка, которая ужасно смотрелась с ее бирюзовыми волосами. В этом странном сером мире она единственная имела цвет, такой блистательный в тусклом свете неправильного неба.

– Роузи? – прошептала Вайолет, ошеломленная и радостная. – Где я? Что это за место?

Но как только она начала идти к сестре, тело Роузи замерцало по краям и стало полупрозрачным, Вайолет увидела очертания уродливых ветвей позади нее. Она была ненастоящей. И эта мысль причиняла больше боли, чем сама иллюзия.

Роузи шагнула назад, ветви сплетались и пульсировали над ее головой. Вайолет всю жизнь шла за сестрой. Ей хотелось последовать за ней и сейчас. Но что-то в призраке заставило ее остановиться. То, как она стояла – руки и ноги сгибались немного неправильно, словно она пыталась быть человеком, но не знала как.

По лесу со свистом пронесся гулкий, похожий на голос звук. Он доносился со стороны деревьев.

Ветви за Роузи потянулись вперед. Потянулись к ней, каждый прутик пульсировал противоестественной жизнью. Вайолет попятилась, паника наступала на горло. Ее руку задела ветвь, и это движение что-то пробудило в ней – эта неправильность, эта тусклая, всепоглощающая серость.

Вайолет не позволит этому месту себя погубить.

Она повернулась, приготовившись бежать, но не успела сделать шаг, как в воздухе взорвалась какофония звуков; насыщенный, жуткий звон тысячи колокольчиков. И когда Вайолет отшатнулась, шокированная внезапным резким шумом, мир наполнился круговоротом коричневого, зеленого и голубого. Повсюду вокруг нее росли роскошные, здоровые каштановые дубы, их ветви гнулись под листьями, оранжевыми по краям. Над головой маячили знакомые три шпиля дома Сондерсов, подсвеченные сзади слабым розоватым светом зари.

Первым делом Вайолет хорошенько проревелась: наружу вырывались громкие всхлипы облегчения, а легкие полностью наполнялись воздухом. Может, она ходила во сне, и все это было просто кошмаром. Труп, деревья, Роузи – это не могло случиться по-настоящему.

Но когда Вайолет посмотрела на свою левую руку, то увидела, что между пальцами осталась зажата серая веточка.

* * *

На рассвете залаяли готорнские мастифы. Генри и Брут были слишком хорошо обучены для того, чтобы лаять без причины. А мать Джастина прошлой ночью отправилась патрулировать город.

Джастин сбежал по ступенькам, забыв рюкзак на кровати, и дернул входную дверь, когда с той стороны ручку повернула Августа Готорн. Ее скулы были расцвечены синяками, костяшки – содранными. Медальон основателей в значке шерифа покрывала грязь. Но что по-настоящему было страшно, так это неприкрытая паника. Ведь Августа никогда не показывала страха, как Мэй

никогда не признавала своих ошибок.

– Что случилось? – сипло спросил Джастин. Собаки за ними скорбно завывали.

Лицо матери напряглось:

– Комната для чтения. Живо. Я приведу твою сестру.

Она исчезла прежде, чем он успел что-либо сказать. Или напомнить, что сегодня будний день, хотя мысль о школе исчезла, когда открылась дверь.

Была только одна причина, по которой Августа Готорн приглашала детей в комнату для чтения. Она хотела узнать будущее.

Мэй с Августой ждали его за исцарапанным деревянным столиком – единственной мебелью в комнате, древнейшим предметом на участке Готорнов, не считая дерева, которому они обязаны своей фамилией. Джастин скользнул на свое обычное место напротив окна, нечеткие очертания ветвей прижимались к стене дома.

– Вы готовы? – спросила Августа.

Над ее головой висел портрет Хэтти Готорн, одной из основателей Четверки Дорог и их родоначальницы. Ее лицо свидетельствовало о преемственности генофонда Готорнов – очевидная, белокурая, суровая привлекательность, приправленная улыбкой, которая на деле являлась хорошо замаскированной ухмылкой. Хэтти сама его нарисовала, как и колоду Предзнаменований полтора века назад. Джастин был практически уверен, что однажды видел, как Хэтти с портрета заправила выбившуюся прядь за ухо.

– Я могу погадать тебе, но сначала хочу получить объяснения. Это облегчит мне задачу.

Единственное, что выдавало Мэй, была легкая дрожь пальцев, когда она взяла в руку колоду Предзнаменований. Не каждый Готорн умел предсказывать будущее, но их сила была связана с прогнозированием и влиянием на корни и ветви, которые объединяли город. Как Карлайлы работали с камнем, а

Салливаны могли вредить или исцелять одним касанием. Каждая семья защищала Четверку Дорог по-своему.

Во всяком случае, должны были. В последнее время Джастин начал сомневаться, защищают ли они вообще город.

Августа вздохнула, но покорно кивнула:

– Сегодня ранним утром мне сообщили, что на границе беспорядки. Я была настроена скептически, но решила проверить. Мой помощник оказался прав, но мы не были готовы к последствиям.

– Последствиям? – не выдержал Джастин.

И снова он; проблеск страха на лице матери, хотя речь оставалась спокойной.

– Офицер Андерс мертв.

Комната для чтения потеряла четкость, а внутри Джастина все похолодело от внезапно нахлынувшего, ошеломляющего чувства вины. Еще на прошлой неделе Андерс просил его быть осторожнее. Джастин подумал о широких плечах мужчины, закручивающихся усах, кобуре на поясе. Пистолет никак бы его не спас. Но если бы Джастин обладал силами, возможно, он смог бы помочь.

День ритуала навсегда запечатлелся в его памяти. Как горела его ладонь, когда он провел по ней ножом, как прижимал ее к центру боярышника, как кровь стекала по коре.

Как он ждал. Как проходила каждая мучительная секунда, и он отчаянно надеялся, что что-то произойдет, а Мэй и мать встревоженно переминались с ноги на ногу. И наконец Джастин ощутил, что дерево ожило; услышал его чудесное, глубокое сердцебиение. Но то не преклонилось в знак подчинения, как ожидалось. Вместо этого по нему поползла тусклость. Воздух разверзнулся, и вокруг Джастина возникла Серость – статичное небо, темные пульсирующие деревья, – и тогда юноша почувствовал себя очень маленьким и невыносимо беспомощным.

Его охватила удушающая паника, и он рухнул на колени, а в ушах раздался гулкий голос. Джастин не понимал слов, но раз он находился в такой близости к Зверю, чтобы слышать его голос, значит, уже был все равно что мертв. И он слишком испугался, чтобы бороться. Вот что Зверь делал с людьми, которые не обладали силой, – заставлял их видеть и слышать все, что захочет. Он заставлял их поверить – еще задолго до того, как убивал, – что им лучше покинуть этот мир.

Тогда его спасла Мэй. Она втащила его обратно в Четверку Дорог прежде, чем монстр поглотил его, как всех других Готорнов, которые оказались недостойными способностей.

Так Джастин жил дальше – как получалось.

А теперь из-за того, что он не мог защитить город, Серость окрепла и погибло четыре невинных человека.

Голос Мэй, сидящей напротив, стал нежным и тихим, как согнувшаяся травинка:

– Мне очень жаль.

Августа пожала плечами:

– Не меня жалею, Мэй. Это не я погибла. – За этим последовала секунда оглушающей, пораженной тишины, словно после пощечины или крика... – Теперь мы можем начать?

Мэй шмыгнула.

– Конечно, мама. Задавай вопрос.

– Кто или что вызвало это укрепление Серости? – осторожно спросила Августа. – И как нам это устранить?

Никто не должен был задавать два вопроса, но Августа всегда так делала. И Мэй принялась тасовать карты. Когда ее сила пришла в действие, они исчезли одна за другой, пока не осталось всего четыре.

Мэй разложила их на столе, всевидящие очи смотрели в разные стороны. Августа никогда не снимала перчаток, поэтому дочери пришлось взять мать за запястье – тактильный контакт был обязательной частью гадания. Второй рукой в перчатке Августа взяла ладонь Джастина; спустя секунду он почувствовал прикосновение слегка потной ладони Мэй. Только через полминуты Мэй разорвала круг.

– Они готовы.

Она перевернула каждую карту. Тени от ее пальцев метались по столику, словно чернильные линии, впитывающиеся в дерево, – а затем застыли над последней картой.

И снова карта Сондерсов. На этот раз Восьмерка Костей. Два черепа прижимались друг к другу нос к носу; один безнадежно потрескался, а другой выглядел гладким и целым.

– Как любопытно, – тихо и тревожно произнесла Августа. – Расскажи нам, что ты видишь, Мэй.

В ее голосе была слышна легкая дрожь.

– В Четверке Дорог происходит что-то абсолютно неправильное. – Она показала на первую карту – Весы. Хэтти Готорн нарисовала большую деревянную доску с двумя чашками на концах. Внутри них сидели мужчина и женщина со скрещенными ногами и закрытыми глазами. – Ты спрашивала, как нам помешать Серости набрать силу. Это часть твоего ответа. Это значит, что в городе нарушен баланс – и это что-то очень серьезное.

– Понятно, – кивнула Августа. – Там сказано, сможем ли мы это исправить?

– Возможно. – Мэй нахмурилась. – Добьемся ли мы успеха или потерпим неудачу, зависит от Восьмерки Костей. Либо они помогут нам вернуться к норме, либо же все изменят. Навсегда.

Августа задумчиво постучала пальцем по подбородку.

– Значит, всему виной Восьмерка Костей. Карта Сондерсов.

– Так можно было бы подумать, – осторожно начала Мэй. – Но последняя часть предсказания вызывает большее беспокойство. Ты задала вопрос, так что она... – девушка указала на Шестерку Ветвей, – изначально меня не удивила, потому что это твоя карта.

На карте было изображено молодое дерево, которое сильно изувечила молния. Вокруг ствола обвивались две змеи. Джастин никогда не понимал, пытались ли они спасти дерево или окончательно погубить.

– Карты говорят о событии со стороны человека, который задал вопрос, поэтому в твоей карте нет ничего странного. Но здесь она в паре со Скелетом... – Мэй замолчала, и Джастин понял, что сестра тянула время не из-за Восьмерки Костей.

Наступила та часть, о которой Мэй не хотела говорить.

– Тебе это не понравится, – сказала она.

Августа вздернула бровь:

– Ну же, просвети меня. И я сама решу, нравится мне это или нет.

– Ладно. – Джастин услышал, как сильно дрожит голос сестры. Он потянулся под стол и сжал ее потную ладонь. – Скелет показывает, что грядут большие перемены. Можно даже сказать, расплата. И в паре с твоей картой... это ответ на твой вопрос. Город может быть в опасности из-за тебя.

Лицо Августы лишилось последней кровинки:

– Абсурд! Я всю свою жизнь ставила Четверку Дорог превыше всего. Кому, как не вам, лучше знать об этом?

Пальцы Мэй впились в ладонь Джастина.

– Карты не врут.

– Значит, ты неправильно их истолковала. – Августа стукнула кулаками по столу. Мэй отпрянула, с ее уст сорвался тихий всхлип. – Попробуй еще раз.

– Иначе их не истолковать. – Мэй почти перешла на шепот. – Я знаю, это не то, что ты хотела услышать. Но ты задала два вопроса. Так карты ответили на них.

Голос Августы понизился до злобного змеиного шипения:

– Погиб хороший человек, Мэй. Откуда мне знать, что это не повлияло на твои способности предсказывать будущее?

На глаза девушки навернулись слезы. Джастин захлестнула пламенная ярость. Мэй всегда боготворила Августу. Наказывать ее за честность было жестоко.

– Полагаю, тебе придется ей довериться, – сказал он. – Придется, хоть я и понимаю, как это сложно. Потому что мы единственные в Четверке Дорог, кто не поддается твоему внушению.

Августа рыкнула от раздражения и встала, едва не задевая головой потолок комнаты. Джастин приготовился к потоку словесных оскорблений, но ее слова прозвучали очень тихо:

– Когда-то этим городом управляли Сондерсы. Но мы справились с его защитой гораздо лучше. Я намерена сделать все, чтобы так и осталось.

Она ушла под вой мастифов, ждущих ее возвращения.

Джастин уставился на Восьмерку Костей и заметил, что на треснутом черепе остались кусочки плоти. Что же подвигло Хэтти Готорн нарисовать такие омерзительные, наглядные иллюстрации? Он повернулся к Мэй, сестра сидела, обняв колени.

– Мы знали офицера Андерса всю нашу жизнь. – Вены на ее лбу взбухли, словно под кожей извивались корни. – А теперь его просто... нет.

– Да, и поэтому мама злится. Дело вовсе не в тебе.

Мэй опустила голову.

– Я знаю.

– Ты правильно поступила, сказав правду. – Джастин сомневался в искренности своих слов. Но Мэй было необходимо их слышать.

– Разве? – Тусклый свет комнаты подчеркивал черты лица Мэй, пока она не стала выглядеть так же, как звучал ее голос: хрупко и тоненько, как хрустальная ваза, раскачиваемая на краю камина. – Я только и делаю, что приношу плохие вести, Джастин. Люди гибнут, причиняют друг другу боль или исчезают.

– Ты знаешь, что это далеко не все, – ответил он. – Карты хитры. Они не рассказывают все.

– Они рассказывают достаточно. – Мэй твердо смотрела перед собой. – Иногда я это ненавижу. Знание, ответственность. – А затем она произнесла слова, которые, как Джастин подозревал, сдерживала со дня собственного ритуала три месяца назад: – Тебе не понять.

В тот день, как только сестра коснулась дерева, ветви ожили. Узловатый ствол боярышника низко поклонился. И Джастин, сдерживая слезы, смотрел, как лес перед ними тоже начал клониться, пока между согнутыми ветвями не засверкало озеро за коттеджем Карлайлов.

Если ритуал Джастина был худшим днем в его жизни, то ритуал Мэй с малым отрывом занимал второе место.

– Конечно, нет, – сухо произнес Джастин. – Объясни мне еще раз, как тяжело быть могущественной.

– Прости. Я не хотела...

– Я знаю, – перебил Джастин. Его бессилие было последним, что он хотел обсуждать. – Семья Сондерс. Мэй, если есть хоть малейшая возможность, что они помогут нам остановить это...

Лицо Мэй помрачнело.

– Знаю. – Она медлила. – Но мама сказала к ним не приближаться. А у нее всегда есть свои причины.

Джастину вспомнился страх на лице Августы. То, что она сказала. И как смотрела на Восьмерку Костей – со смесью ужаса и смирения, будто все это время знала, что семья Сондерс неминуемо будет связана с их будущим. Словно она сделает что угодно, лишь бы убедить себя в обратном. А значит, если существовала хоть какая-то вероятность, что Вайолет Сондерс может стать выгодным союзником Готорнов, Джастину придется обратиться к ней лично.

5

Харпер выполняла упражнения для укрепления мышц, которые адаптировала под свою тренировку, когда услышала обрывок песни; со стороны деревьев доносился низкий глубокий голос. Она знала его, как саму мелодию. Отец часто напевал ее в своей мастерской, когда создавал стражей из горки высушенной на солнце глины.

Когда-то эти стражи охраняли каждое крыльцо в городе: статуи, которые оживали по команде хозяина. Карлайлы и их хранители отвечали за защиту Четверки Дорог. Каждую осень и ночь весеннего равноденствия – время, когда Серость была сильнее всего, а основатели – наиболее уязвимыми. Когда стирается грань между реальностью и кошмаром.

Но последним из Карлайлов, кого слушался хранитель, была бабушка Харпер. Так что стражи, которых лепил в своей мастерской Морис Карлайл, просто висели над входными дверями жителей. Слабая замена – в случае опасности они могли лишь поднять тревогу, а не дать отпор.

Их семья стала тенью былых себя и тех, кем они могли бы стать.

«Дети малые блуждали, из лесу пути не знали...» Из кустов слышались шаги. Отец Харпер был Карлайлом до мозга костей и все делал громко, даже ходил. Так что первой реакцией Харпер была паника. Она для того тщательно скрывала свои тренировки, чтобы отец не жалел ее. Ее левую руку остро и внезапно пронзило огнем – хоть Харпер и знала, что руки больше нет, порой она все равно ощущала фантомные боли, особенно когда была испугана или находилась в стрессе. Харпер передернуло, она схватила меч и нырнула за ближайшее дерево.

Голос отца зазвучал громче: «Серость стала домом их, деток малых, нежи...»

Пульс Харпер участился, когда он появился на краю поляны. Она прильнула ближе к дереву, но жжение стало таким сильным, что она, ахнув, потеряла равновесие и выронила меч.

Шум прорезал ночную тишину, как выстрел, и прервал пение отца на полуслове.

– Кто там? – Морис Карлайл вытащил из кармана кинжал; острое серебряное лезвие мелькнуло в кулаке. Харпер прежде никогда не видела у отца такого решительного выражения лица. Она быстро вышла из-за дерева, беспокойство в груди росло.

– Папа, это всего лишь я.

Лицо Мориса смягчилось, он был в недоумении. Кинжал вернулся в карман так быстро, что Харпер задумалась, не показалось ли ей.

– Харпер! Что ты делаешь тут посреди ночи?

Девушка сглотнула. Она представила, как выглядит со стороны: мамина сорочка, босые ноги, в траве за спиной валяется меч. Отцовское замешательство всегда заставляло ее чувствовать себя ребенком.

– Могу задать тебе тот же вопрос.

Морис усмехнулся:

– Я возвращаюсь с патрулирования. Поэтому нервы слегка и пошаливают.

Но на кухонной столешнице лежал календарь с расписанием патрулирования. Харпер знала его наизусть – оно не менялось уже много месяцев.

– Твоя очередь по средам и субботам. – Она ухватилась правой рукой за остаток левой под локтем. – А до смены распорядка из-за равноденствия еще полторы недели.

– Что ж, все так. – На его переносице блеснул лунный свет. – Но и ты не на прогулку вышла на улицу с семейным клинком в ведьмин час[2 - «Ведьмин час», «святой час» или «дьявольский час» – это время между 3 и 4 часами утра, которое связано с различными сверхъестественными явлениями.].

– Нет. – Отец научил Харпер никогда не избегать битвы, если шансы на победу равны. А им двоим было что скрывать. – Не на прогулку.

Морис Карлайл окинул дочь оценивающим взглядом. Пару секунд он переминался с ноги на ногу, на его скулах заходили желваки.

– Ты тренировалась?

В его голосе не было жалости, того, что она боялась услышать. Он говорил чуть ли не... с восхищением.

Поэтому Харпер кивнула.

И была вознаграждена улыбкой – искренней улыбкой.

– Мне стоило догадаться, что ты никогда не остановишься. Ты всегда любила орудовать мечом.

Харпер вскинула голову:

– До сих пор люблю.

Морис задумчиво смотрел на нее:

– Но тебе не с чем бороться.

В голове Харпер промелькнул непрошенный образ, как она подносит меч к горлу Джастина Готорна.

– Пока нет.

– Слушай. – Отец подходил ближе, пока его сидящие кудряшки не перекрыли вид на луну, из-за чего он стал не более чем силуэтом. Оценивающие нотки исчезли – над чем бы он ни размышлял, он все для себя решил. – Ты действительно хочешь знать, где я сегодня был?

Харпер просто не хотела попасться. Но было поздно, а отец, казалось, впервые за много лет увидел ее настоящую. И больше всего Харпер хотелось, чтобы он ей доверился.

– Да.

– Но ты должна сохранить это в тайне.

Глаза Мориса неразличимы в тени, но Харпер все равно попыталась встретиться с ним взглядом.

– Даже от мамы? – поинтересовалась она, и в ее голове промелькнула ужасная догадка. – Ты же не планируешь уйти от нас...

– Нет! – Ужас в его голосе таким неподдельным, что Харпер мгновенно поверила. – Ничего подобного. Просто это опасная тайна. И мне кажется, что ты поймешь ее лучше, чем остальные. После всего... после всего, через что тебе пришлось пройти.

Харпер ощутила невольные отголоски боли.

– Всего, через что мне пришлось пройти? – прошептала она. – Просто скажи это. Я потеряла руку. У меня нет сил.

– И тем не менее ты продолжаешь бороться. – Ее отец ласково, с нежностью взял ее за руку. – Ты выходишь одна в лес посреди ночи, чтобы тренироваться. А что, если у тебя будет реальная причина для борьбы? Место, где нужно биться по-настоящему?

– Невозможно. – Харпер пыталась говорить спокойно. Пыталась не надеяться. – Я провалила ритуал. Когда подобное случается в этом городе, ты становишься никем – ты сам так сказал.

– Я знаю. Но есть и другие способы быть сильной.

Харпер фыркнула:

– Ты говоришь о том, чтобы снова отправить меня патрулировать город? Готорны ни за что на это не пойдут.

На лице отца появилась странная вкрадчивая улыбка.

– Ты права, шериф и ее семья не позволят, – сказал он. – Но что, если Готорны сами потеряют власть над городом?

Отец подчинялся воле Готорнов всю жизнь – бабушке Августы, ее отцу, а теперь и самой Августе. Он создал для них стражей. Патрулировал город. Учил своих детей служить им. А когда Готорны решили, что Харпер больше не нужна, он согласился.

Но сейчас, заглянув в это лицо, Харпер поняла, что ошиблась, посчитав, что он беспрекословно следовал их приказам. В отце, как и в ней, медленно и уверенно рос гнев.

– Ты говоришь о восстании? – прошептала она.

– «Восстание» – какое неприятное слово. – Морис улыбнулся шире. – Предпочитаю «переворот».

От этой мысли по спине Харпер пробежала дрожь. Оставалась лишь одна проблема.

– Четверка Дорог любит Готорнов.

Лицо отца помрачнело:

– Уже нет. Прошлой ночью это снова случилось. Офицер Андерс погиб в Серости.

Она помнила Андерса. Он был хорошим человеком – одним из немногих людей шерифа, кто признавал ее существование после провала.

И Харпер провела достаточно времени в том скелетообразном лесу, чтобы знать, что это не лучшее место для смерти.

Она вздрогнула:

– Нет... он тоже?

Ее отец угрюмо кивнул:

– Боюсь, что так. И скоро за ним последуют другие. В Четверке Дорог становится все опаснее и опаснее, а Готорны не делают ничего, чтобы этому помешать. Так что я решил взять дело в свои руки. Вот чем я сегодня занимался.

– И как именно?

Теперь лунный свет падал на щеку Мориса Карлайла. И Харпер увидела, что он снова сомневается, рассказывать ли ей.

– Пап, – обратилась она. – Ты обещал.

– Тебе мало того, что скоро все изменится?

Да, мало.

Харпер терпеливо ждала перемен три года. Она никому больше не позволит истреблять своих демонов. И если кто-то хочет свергнуть людей, превративших ее жизнь в кошмар наяву, пусть станет в очередь. Потому что этим человеком должна быть она сама, и только. Слишком долго ее считали ничтожеством.

– Да, мало, – ответила она. – Что бы ты ни делал, я хочу в этом участвовать.

– Харпер, ты не знаешь, о чем просишь...

– Я знаю достаточно. – Харпер подняла меч и ловко провела им идеальную дугу от плеча. Глаза ее отца округлились. – Что еще мне может сделать этот город?

Морис Карлайл вздохнул и покачал головой, а Харпер ощутила прилив радости.

– Хорошо. Думаю... нам была бы выгодна твоя дружба с девчонкой Сондерс. Она может оказаться ценным союзником.

Харпер вспомнила, как Вайолет оглянулась на Джастина в конце кабинета.

– Готорны уже пытаются ее завербовать.

– Знаю, – кивнул Морис. – Но она ничего не знает о своем наследии. В моем детстве Карлайлы и Сондерсы были союзниками. Вскоре ей потребуется помощь. И эта помощь должна исходить от тебя.

В груди Харпер затеплился огонек, когда он назвал ее Карлайл. Но она вспомнила о братьях и сестрах, обладающих настоящей силой.

– Разве Митси или Сет не больше подходят на эту роль?

– Митси и Сет в отличие от тебя не знают, на что способны Готорны. Покажи девчонке, что Готорны не единственная достойная семья в этом городе.

В его словах чувствовалась такая неприкрытая ненависть, что Харпер только гадала, как отцу удавалось так долго ее скрывать. Она не знала, удастся ли ей переманить на свою сторону Вайолет, но если это поможет свергнуть Готорнов, она попытается.

– Я все сделаю.

Морис кивнул:

– Считай это испытанием. Пройдешь его и сможешь познакомиться с остальными.

– Остальными? – удивилась Харпер. – И сколько же вас?

Рука отца сомкнулась на рукояти кинжала.

– Достаточно, чтобы изменить порядок вещей.

* * *

Вайолет не было всю ночь, но Джунипер ничего не заметила. Когда утром она вышла из живительного душа, мать поприветствовала ее легким кивком головы и поплелась к себе в комнату.

Вайолет пыталась не дать этому себя расстроить. Когда она ехала в школу на велосипеде, ее ноги выли от боли в мышцах.

Она все равно не желала объяснять матери, где была. Увиденное ей не описать иначе как бред сумасшедшего. Девушка сомневалась, что Джунипер будет снисходительна к ней, как к Дарье, если она расскажет правду. Кроме того, ей могло это только привидеться, хотя в это было сложно поверить.

Эта иллюзия развеялась, как только она зашла в класс. Что что-то было не так. Все молчали, раздавалось только редкое невнятное бормотание, Джастина Готорна не было на месте. Без него Айзек выглядел абсолютно растерянным. Он даже не читал, а просто смотрел в парту.

– Класс, прошу минутку внимания. – Миссис Лэнхэм слегка покраснела, голос звучал хрипло. – Как многим из вас уже известно, сегодня ночью из-за трагического случая не стало офицера Фрэнка Андерса.

Ропот усилился, некоторые кивали. Вайолет поборола приступ тошноты. Должно быть, то тело принадлежало Фрэнку Андерсу. Она видела значок на его груди. А значит, она была в том лесу вместе с ним – и кем-либо или чем-либо, что его убило.

– Я должна всем вам напомнить, что лес может быть опасным местом, – продолжила миссис Лэнхэм, но Вайолет уже не слушала.

Она вскочила со стула, который с грохотом рухнул на пол, и вылетела из кабинета. Ее лихорадочные шаги эхом отзывались в пустом коридоре школы Четверки Дорог, пока она мчалась к выходу. Вайолет ни разу в жизни не прогуливала уроки, даже по болезни их почти не пропускала, но сейчас не могла больше и секунды выдержать в том классе.

Она остановилась на парковке, школа была позади. Высоко над головой раскинулась непроницаемая крона каштановых дубов, тени от листвы замирали у нее под ногами.

Ей больше было некуда идти, кроме как в лес.

Вайолет моргнула, и деревья стали черно-белыми. Моргнула снова, и в нее вперился взгляд незрячих глаз офицера Андерса.

Девушка всхлипнула и закрыла глаза, но на изнанке век отпечатался образ полупрозрачной Роузи, ветви склонялись и тянулись к ним обеим.

– Они ненастоящие, – прошептала Вайолет. – Ненастоящие.

– Ты о чем? – раздался мягкий голос за ее спиной.

Вайолет резко обернулась, принимая защитную позу. После бессонной ночи она была на взводе.

Но девушка за ее спиной не казалась угрожающей. Невысокая и изящная, как фарфоровая статуэтка, с жирными стрелками на глазах. Ее левая рука заканчивалась локтем, темные кудрявые волосы доставали до поясницы.

Вайолет видела ее в классе. Значит, она была свидетельницей ее срыва.

– Почему ты пошла за мной?

В темных, как у олененка, глазах девушки промелькнуло нечто похожее на жалость.

– Ты сбежала, – ответила она. – И, мне кажется, я знаю от чего.

Вайолет нахмурилась:

– Или мне просто стало скучно.

– Миссис Лэнхэм сказала, что кто-то умер, и тебе стало скучно? – Улыбка незнакомки должна была успокоить Вайолет, но та лишь подметила ее неискренность. – Не думаю, что ты настолько бессердечна.

Вайолет сделала глубокий вдох:

– Ладно, возможно, меня это расстроило! Мне не очень нравятся новости о чьей-то гибели, знаешь ли.

– Никому не нравятся, – ответила девушка. – Но ты только что переехала. И его даже не знала.

– А ты знала, – заметила Вайолет, и в ее животе заворочалось беспокойство. – Почему ты не скорбишь по нему?

Девушка посмотрела на лес за плечом Вайолет. Силуэты деревьев отразились в ее темно-карих глазах.

– Я скорблю, Вайолет. – Ее голос стал отстраненным и безжизненным. – Все-таки я в подробностях знаю, как он умер. Кости, торчащие из плоти. Белые глаза. Серая кожа. Просто это не то, о чем хочется говорить. Ведь звучит как бред сумасшедшего, правда?

Ладони Вайолет стали липкими от пота, а горло сжалось так, что стало больно дышать.

Кем бы ни была эта девушка, она тоже видела мертвеца.

– Откуда тебе это известно? – выдавила она.

Незнакомка шагнула вперед, тени деревьев окутали ее крошечную фигуру.

– Оттуда же, откуда и тебе. Я была в Серости.

Вайолет сразу поняла, о чем она говорит. Название идеально подходило для описания тех бесцветных деревьев и неподвижного неба.

– Откуда ты знаешь, что я была... там?

– А разве я не права?

– Права, – ответила Вайолет; ей стало намного легче. – Тот лес. Он... здесь. В этом городе.

– И да, и нет, – ответила девушка; и легкости не прибавилось. – Он определенно реальный. И определенно находится в Четверке Дорог. Но он не здесь. – Она равнодушно махнула рукой в сторону деревьев. – Знаешь, большинство людей оттуда уже не выходят. Тебе повезло.

– Значит, и тебе?

Девушка грустно усмехнулась:

– Это вряд ли. – Она протянула руку. Вайолет пожала ее. Та оказалась на удивление грубой. – Харпер Карлайл.

– Я так думаю, мне можно не утруждать себя и не представляться?

Харпер улыбнулась – искренне на сей раз.

– Нет. Здесь все знают, кто ты.

Голова Вайолет была полна вопросов, но первый заданный удивил даже ее:

– Какое животное так расправляется со своей жертвой?

Харпер снова повернулась к лесу, ее голос снова стал нездешним. Деревья перестали шелестеть, словно тоже прислушивались.

– Это не животное.

– Тогда что?

Харпер по-прежнему смотрела на лес:

– Думаю, большинство людей использовали бы слово «монстр».

Еще день назад Вайолет закатила бы глаза и ушла. Но сейчас она повернулась, чтобы лучше видеть лицо Харпер, и очень осторожно задала следующий вопрос:

– А какое слово использовала бы ты?

Лоск невозмутимости на лице Харпер исчез. Черты исказились от нескрываемой боли – такое Вайолет видела только в зеркале.

– Не могу сказать. Как правило, я не даю названий тому, чего сама никогда не видела.

– Так почему ты пошла за мной на самом деле? – Внезапно ответ на этот вопрос показался очень важным.

Харпер встретила с ней взглядом:

– Потому что никто не должен сбегать с уроков и не иметь человека, который побежит следом.

Но Вайолет почувствовала ложь:

– Попробуй еще раз.

Харпер нахмурилась:

– Ладно. Потому что... я видела, как вчера с тобой говорил Джастин Готорн. Готорны не беспокоили бы тебя, если бы не считали, что ты можешь быть полезной. Поэтому я хочу тебя предупредить, что все в этом городе для них просто пешки. Не более. Как бы они ни пытались показать, что это не так.

Вайолет вспомнила, как остальные ученики смотрели на Джастина. Как взрослые смотрели на его мать. Их обожание и близко не походило на хладную ярость в словах Харпер. И Вайолет видела, что она хотя бы верила в то, что говорила – независимо от того, правда это или нет.

– Что они тебе сделали? – ласково спросила она.

Над их головами зашелестели дубы. Харпер запустила дрожащие пальцы в волосы:

– Скажем так, когда мы еще дружили, у меня была левая рука.

А затем развернулась и быстро ушла.

Когда Вайолет вернулась домой, то обнаружила на крыльце Дарью, увлеченную вязанием. Дарья всегда выглядела умиротворенной, сидя в своем древнем кресле-качалке; ее хрустальные спицы сверкали, пока она медленно распутывала клубок багровой пряжи, обычно в компании кота Орфея, который

сворачивался вокруг ее лодыжек. Но на этот раз на соседнем стуле сидела Джунипер, орудуя собственными вязальными спицами.

Вайолет на секунду замерла у крыльца, пытаясь переварить эту семейную идиллию.

– Ты... учишься вязать? – Слова прозвучали немного напыщенно. Вайолет почти не общалась с матерью после того, как узнала о Стивене Сондерсе.

– Ну, я пытаюсь ее научить, – укоризненно ответила Дарья. – Но она не может расслабиться и на пару секунд, чтобы попасть в петлю!

Джунипер одарила Дарью тем же угрюмым взглядом, которым Вайолет всегда одаряла Роузи, когда сестра ею командовала. Но мать выглядела неправильно, слишком по-детски, слишком наигранно.

– Ты всегда говорила, что мне не хватает терпения. – Джунипер по-прежнему носила каблуки и брюки, как в Оссининге, но ее блузка помялась, а волосы были небрежно заправлены за уши.

– Ты никогда не умела ждать, Джун, – ответила Дарья, и слова прозвучали скорее ласково, чем ехидно. – Но время еще есть. Камни пока за тобой не пришли.

Она похлопала сестру по плечу, а Джунипер безнадежно уставилась на спутанный узел из красной пряжи, намотанный между ее спицами.

– Камни пока за мной не пришли. Как скажешь. – Она перевела взгляд на Вайолет. – Можешь присмотреть за ней минутку? Мне нужно отправить пару писем.

Вайолет кивнула. Мать резво умчалась, оставив на стуле спутанную пряжу.

Дарья покосилась на комок ниток.

– Вязать умеешь? – спросила она у Вайолет.

Та прислонила велосипед к перилам.

– Нет.

– Жаль, – вздохнула Дарья. – У тебя ловкие пальцы.

Девушка сжала и разжала ладонь.

– Это из-за фортепиано.

– Да. Ты напоминаешь мне Стивена. – На ее лице промелькнула призрачная улыбка. – Он тоже был музыкантом.

Вайолет решила попытать удачу, несмотря на слова Джунипер о том, что это может расстроить Дарью. Ступеньки громко скрипели, пока она взбиралась на крыльцо.

– Так он тоже был музыкантом? На чем он играл?

– Пианино, – сразу же ответила Дарья. – Поэтому Джунипер с Маркусом и хотели, чтобы ты научилась играть. В память о нем.

Маркус Колфилд. Ее отец.

Вайолет уже давно не слышала, чтобы его имя произносили вслух, и это побудило внезапную вспышку воспоминаний: темноволосый и громкий, заразительный смех, сильные руки отрывают ее от земли и заключают в объятия.

Сцена молниеносно пронеслась в голове, но Вайолет уже успела затосковать по обеим половинкам ее семьи. Еще никогда она не чувствовала себя такой далекой от отца, которого не успела узнать по-настоящему, – и хотя теперь они жили в родном городе матери, от Джунипер она тоже никогда еще не была так далека.

– Я даже этого не знала, – тихо призналась Вайолет.

Дарья пожала плечами:

– Джун всегда плохо объяснялась. Думаю, она просто хотела, чтобы какая-то частичка Стивена продолжала жить.

– Что с ним произошло? – спросила Вайолет. – Это имеет какое-то отношение к Серости?

Дарья замерла на середине стежка.

– Иди сюда, – позвала она скрипучим голосом. Вайолет медленно подошла, ее сердце забилось чаще. Дарья взяла ее за руку. – Ох, Вайолет... Ты умрешь в шляпе.

Девушка тяжело вздохнула, но волосы на затылке встали дыбом. Это просветление рассудка не могло продлиться дольше – ответы следовало искать в другом месте.

– Тогда я просто не буду носить шляпы.

Дарья отпустила ее руку:

– Однажды ты забудешь. Как и все в Четверке Дорог.

Вайолет мрачно уставилась на свою ладонь. Внезапно налетел ветер – милое разнообразие в жаркой сентябрьской погоде.

– Ты пробовала прогуляться в лесу, косточка? – поинтересовалась Дарья едва слышно. – Это единственная по-настоящему значимая часть нашего городка.

Вайолет резко подняла голову:

– Что?

Но тут дверь распахнулась, и к ним вернулась Джунипер с телефоном в руке.

– Тут просто ужасно.

Вайолет почти не слышала ее.

«Ты пробовала прогуляться в лесу, косточка?»

Она повернулась к деревьям. Вспомнила, что Харпер говорила о нем. Боль на ее лице. Вайолет только начала понимать, что здесь творится. И если она будет делать вид, что ничего не происходит, это не поможет ей понять до конца.

– Я буду на заднем дворике.

Девушка быстро сбежала по ступенькам и завернула за угол дома. Она отбросила мысли о призраке Роузи, мертвом офицере Андерсе и направилась к деревьям, – высокие стволы были единственными свидетелями ее маленькой смелости.

Все выглядело чрезвычайно обыденно: каштановые дубы клонились друг другу, словно старые друзья, решившие поболтать, в ветвях щебетали птицы, озаренные солнечным светом. Но в желудке Вайолет все равно пульсировало беспокойство.

Дневной свет не гарантировал, что не случится что-то плохое.

Она слышала жужжание насекомых прежде, чем увидела их, – тяжелый, монотонный шум, словно от работающего двигателя. Они кружились в воздухе, как грибовидное облако, над чем-то обмякшим и пушистым у корней дерева – невезучим енотом или опоссумом.

Вайолет сморщилась. Она уже хотела отвернуться, но заметила кусочек красной пряжи. Несколько секунд ушло на осознание. А потом она застыла, как застыл лес вокруг, неспособная сдвинуться с места, не в силах отвести взгляд.

Тушка Орфея лежала между двумя корнями, медленно поджариваясь на полуденном солнце. Глаза кота были милосердно закрыты, шея – вывернута под неестественным углом. На ней запеклась кровь.

Перед глазами Вайолет все поплыло. Она споткнулась, оперлась рукой на ближайший ствол и согнулась над травой. Опустошить желудок не удалось; ее продолжало трясти от одного взгляда на останки. Уголкем глаза она заметила какое-то движение – у кота дернулся хвост? Это казалось невозможным, но Вайолет должна была проверить, точно ли он мертв. И нельзя ли его спасти.

– Мне так жаль, – прошептала она, заставив себя подойти к Орфею. Ее пальцы задела переднюю лапку, пока она пыталась нащупать пульс. Внезапно возникло острое чувство потери. Вайолет была опустошена и измучена, словно пробежала много миль. Девушка отдернула руку от тушки.

Он умер, это было очевидно. Осматривать его дальше было бессмысленно. Она собралась идти обратно к дому, раздумывая, что скажет Джунипер; дырки в ее джинсах коснулось что-то мягкое. Орфей терся головой о ее ногу и мурчал. Насекомые позади него расползлись по лесной почве.

Вайолет издала пронзительный, сдавленный крик, и попятилась назад; ноги не слушались. Этого не могло произойти... Но на месте, где лежал мертвый кот, было пусто. Она мысленно успокоила себя. Присела, насторожено вытянув руку, и стала ждать, когда Орфей снова начнет выпрашивать ласку.

Его шерстка, пушистая и мягкая под ее ладонью. Он казался действительно реальным, только более дружелюбным, чем обычно. Кот уткнулся носом в ее ладонь, продолжая мурчать, и Вайолет слегка расслабилась. Может, все это было жуткой галлюцинацией?

Как с Роузи. Разум снова сыграл с ней плохую шутку, связав странный вопрос Дарьи с ночью в лесу.

Но когда Вайолет собралась встать, ее пальцы коснулись чего-то липкого на шее кота. Она отдернула руку, наблюдая, как кровь стекает по пальцам.

– Ты мертв. – Вайолет попятилась от Орфея. Ее голос стал монотонным и визгливым, словно воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Между ними словно была натянута нить, как если бы, прикоснувшись к нему, она оставила частичку себя. – Черт возьми! Ты мертв.

Краем глаза она заметила знакомого светловолосого парня на краю поляны; он был бледен.

– Нет, – тихо произнес Джастин Готорн. – Он был мертв. Но больше нет. Благодаря тебе.

Вайолет сделала еще один шаг назад, голова закружилась.

– Не понимаю.

Джастин нахмурился:

– Вайолет...

И тут мир позади него разверзся, словно зевающий рот. Вайолет отпрянула, но плотные белые облака уже поглотили голубое небо. Пришел ужас, и от него тело налилось свинцом. В ушах пронзительно зашипел тоненький звук – чей-то голос, с рыком произносящий слова, которых она не знала. И тут же пропал.

Когда она осознала, что вернулась в бесцветное место, которое Харпер назвала Серостью, у Вайолет перехватило дыхание.

И на этот раз она забрала с собой Джастина Готорна.

* * *

Бо?льшую часть дня Джастин пытался ускользнуть из дома Готорнов. Мать приказала им с Мэй поработать над тем, чтобы развеять сомнения жителей. И когда она ушла днем в офис шерифа, Джастин воспользовался шансом.

Он не думал, что застанет Вайолет за применением силы – силы, которая могла воскрешать из мертвых. Это доказывало, что Августа упорно и нагло лгала о незначительности семьи Сондерс. И он точно не думал, что они попадут в Серость.

По крайней мере, предсказания Мэй сбылись: равновесие определенно было нарушено. Но это было неважно, потому что живым ему отсюда все равно не выбраться.

Горло сдавило от страха, когда густой зеленый лес постепенно растаял и сменился тем другим, безжизненным, который Джастин видел в день ритуала. Они стояли у начала дороги с тянущимися по бокам зданиями – внешне хлипкими домами из кирпича и древесины, выдержанные в идеальной палитре серых тонов. Местами кирпичи просели; в центре деревянной крыши была неумело заколоченная дыра; из дымохода струился застывший дым.

– Почему мы здесь? – Голос Вайолет был резким и обвиняющим, эхом разнесся по безжизненным просторам Серости. – Это из-за тебя?

– Конечно, нет! – Было странно произносить слова и слышать их с заминкой. Он попытался вспомнить все, что знал о Серости.

Но большинство этих знаний сводились к простому факту: если ты попал сюда, то обратно вряд ли вернешься.

– Тогда почему? – Она поникла и сжалась.

– Я не знаю, – развел руками Джастин.

– Как нам выбраться? – Лицо Вайолет исказилось от паники. Позади нее расплывался и снова становился четким светло-серый кирпичный дом, как неустойчивое соединение Wi-Fi.

Джастин собрался, готовый бежать, но бежать было не от чего. И некуда.

– Этого я тоже не знаю, – ответил он, пытаясь говорить спокойно. – Большинство людей, оказавшихся в Серости...

– Они погибают, как Фрэнк Андерс, да? – мрачно произнесла Вайолет. Она убрала волосы с лица и задела лоб, мазнув по нему кошачьей кровью.

Джастин не выдал своего удивления. Она знала гораздо больше, чем предполагала Августа.

– Да.

В его голове раздался гулкий тоненький звук; тихий свист, напоминающий смех. Джастин инстинктивно развернулся, вздрогнув, но сзади никого не было.

– Ты тоже это слышал? – прошептала Вайолет.

Он кивнул.

– Нужно уходить отсюда. – Девушка указала на край леса; на место, где Серость начинала мерцать.

И когда мерцание стало принимать форму, отдаленно напоминающую человеческую фигуру, Джастин вспомнил тела. Белесые глаза. Следы укусов. Агония на одутловатых лицах. Его пронзил такой материальный страх, что казалось, будто вытяни руку – и коснешься. Вот она – смерть, которой он избежал в день ритуала. Наконец-то она явилась за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

«Ведьмин час», «святой час» или «дьявольский час» – это время между 3 и 4 часами утра, которое связано с различными сверхъестественными явлениями.

Купить: https://tellnovel.com/ru/erman_kristina/pozhirayuschaya-serost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)